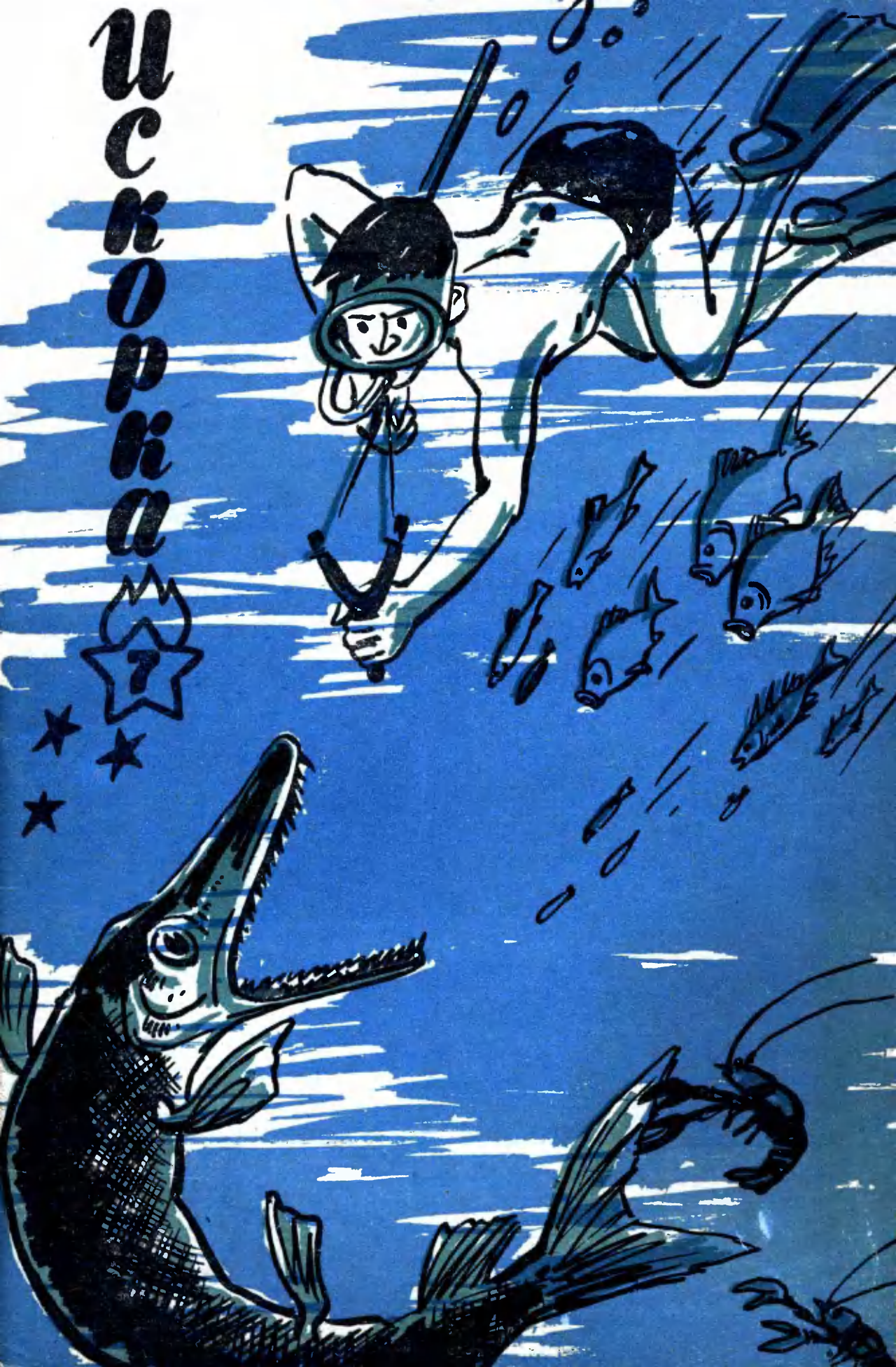
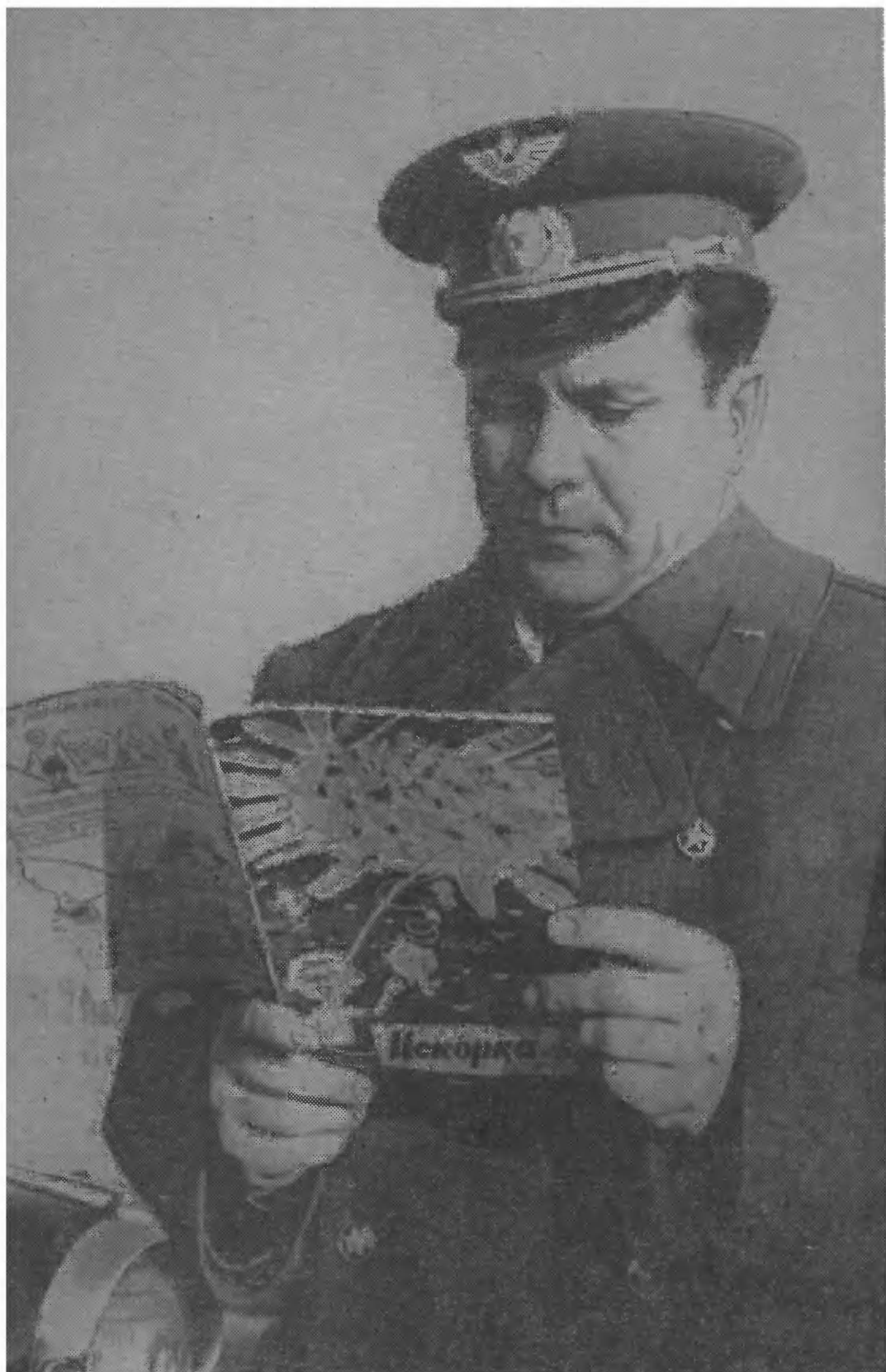

У
С
К
О
П
К
А

В «Искорке» было рассказано о дружбе космонавта Павла Романовича Поповича с пионерами 7-й школы-интерната. Как не прочитать о своих друзьях!

Фото Н. Карасёва

газеты «Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

ГОРНИСТЫ

Послушай — в памяти нашей
Тугие горны трубят.
Я снова встаю, как раньше, —
Раньше других ребят.

Рис. В. Адаева

ФЕСТИВАЛЬ В ФЕСТИВАЛЕ

ЗАЧЕМ и когда начали проводить Всемирные фестивали молодёжи и студентов? Было это 20 лет назад. Только что отгремели залпы второй мировой войны. Ещё дымились в Берлине развалины фашистского рейхстага, только вернулись домой усталые солдаты, чтобы снова работать на заводах, засеивать поля, жить мирным трудом. Специальные международные комиссии подводили страшные итоги войны. Сколько убитых, раненых, сожжённых в печах концлагерей на грязном счету фашизма? Миллионы жизней стоила человечеству затея бесноватого Гитлера и его помощников. А кто погибает на войне в первую очередь? Молодёжь. Значит от неё и зависит многое — будет война или нет. И представители молодёжи всех стран, которые воевали против гитлеровской Германии, собрались осенью 1945 года в Лондоне. Это была Всемирная конференция. Делегаты её обещали сделать всё, чтобы не допустить новой войны. Они так и записали в своём решении:

«Илянёмся построить единство молодёжи всего мира, всех рас, всех цветов кожи, всех национальностей и вероисповеданий. Умелые руки, светлый ум никогда больше не будут отданы войне».

Здесь же возникла мысль собираться молодёжи мира на фестивали. Было решено первый фестиваль провести в столице свободной Чехословакии — Праге.

1947 год. ПРАГА. Под каштанами древнего города, на его площадях собрались 17 тысяч делегатов первого фестиваля. Они приехали из 71 страны. Здесь впервые прозвучали слова:

*Всех, кто честен душою,
Мы зовём за собою.
Счастье народов,
Светлое завтра
В наших руках, друзья!*

Кто не знает сейчас этой песни композитора Новикова? Она стала «Гимном демократической молодёжи мира».

1949 год. БУДАПЕШТ. Столицу Венгрии называют «жемчужиной Дуная». Сюда приехали 10 тысяч делегатов из 90 государств.

Всё больше и больше стран принимали участие в этих замечательных форумах молодёжи, где сверстники соревновались не на полях войны, а в песнях, в плясках, в спорте.

Успех фестивалей стал серьёзно беспокоить тех, кто уже начал мечтать о новой войне...

1951 год. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ БЕРЛИН. Он гостеприимно принял уже 26 тысяч человек из 104 стран. Жители Берлина объявили конкурс на лучшее оформление домов, квартир, окон. Немецкая молодёжь вышла на воскресники, чтобы создать парки, стадионы. Это были искренние друзья фестиваля. А враги тоже подняли голову. Им из-за океана выделили полтора миллиона долларов на всякие провокации. Недобитые фашистские молодчики организовывали на границах засады, чтобы не пустить делегатов в Берлин.

Но их попытки провалились. На Берлинском фестивале тысячные колонны молодёжи вышли с факелами в марш мира и дошли до Трептов-парка. Там, у знамени-

того памятника советскому солдату со спасённой девочкой на руках, состоялся огромный митинг, где делегаты поклялись охранять мир.

1953 год. **БУХАРЕСТ.** Под голубым небом столицы Румынии звенели песни IV фестиваля. Из 111 стран приехали 30 тысяч юношей и девушек. Хозяева — молодёжь Бухареста — спрашивали всех гостей: «А вы видели наш стадион?» Это был их подарок фестивалю. За 100 дней румынская молодёжь построила стадион на 80 тысяч мест.

1955 год. **ВАРШАВА.** Возрождённая из пепла польская столица приняла в свои объятия 32 тысячи делегатов из 114 стран. Молодёжь пробивалась на свой V фестиваль с огромными трудностями. В Португалии полицейские власти арестовали юношу и девушку, избранных делегатами фестиваля. Их бросили в тюрьму перед самой поездкой в Варшаву. Но португальская молодёжь решила — наши делегаты должны быть в Варшаве! Как это сделать? Подготовили побег из тюрьмы. Прорыли тоннель под тюремной стеной, подкупили стражников. В тёмную ненастную ночь молодые патриоты бежали из тюрьмы. В Варшаву они прибыли вовремя. А делегат Кубы Луис Перес прорвался на V фестиваль через барьер батистовского режима. Это сейчас Куба — остров Свободы. А тогда Луиса схватили полицейские за то, что он писал на стенах фестивальные лозунги. Перед ним стояло ведро с краской. Полицейские заставили Луиса выпить всю краску. Два месяца юноша боролся со смертью, но всё-таки выжил. Куба послала его своим делегатом на фестиваль.

1957 год. **МОСКВА.** Это был самый большой фестиваль. Наша столица приняла 34 тысячи гостей из 131 страны.

Чтобы сорвать Московский фестиваль, папа Пий XII решил провести в то же время свой фестиваль в Риме. Он грозился отлучить от церкви тех католиков, которые поедут в Москву. Он надеялся, что угрозы и соблазн римского фестиваля победят. Не тут-то было. О Московском фестивале трудно рассказать словами. Вот цифры:

для того чтобы участвовать во всех встречах, на всех праздниках и концертах, одному человеку понадобилось бы 95—100 лет! А если бы все фотокорреспонденты, которые приехали на Московский фестиваль, начали бы печатать в специальной газете «Фестиваль» все сделанные фотографии, то это заняло бы время в двадцать веков!

На Московском фестивале родилась чудесная песня «Подмосковные вечера».

1959 год. **ВЕНА.** В «город вальсов», как называют Вену, прибыли 18 тысяч делегатов из 120 стран.

Советский делегат целинник Иван Рудский привёз на фестиваль образцы целинной пшеницы. И тысячи друзей брали на память по одному зёрнышку, бережно прятали его, чтобы, приехав домой, посеять зёрнышко в родной земле как память о дружбе и мирной жизни.

1962 год. ХЕЛЬСИНКИ. В стране озёр собрались 18 тысяч делегатов из 137 стран.

Как ни старались провокаторы и финские фашисты омрачить и сорвать торжество юности, у них ничего не вышло. Два хельсинкских мальчугана Пекка и Гаппо сказали в полиции, что им обещали по 1000 финских марок за каждую хулиганскую выходку против фестиваля. Провокаторы даже ребят вербовали.

Фестиваль победил и здесь. Честные люди Финляндии были рады делегатам фестиваля как самым дорогим гостям.

Поэт Ошанин написал об этих днях:

*Хельсинки, Хельсинки, Хельсинки,
Двое друзей, трое друзей.
Сразу столько друзей,
Сколько в окнах огней.*

IX фестиваль предполагалось провести в июле 1965 года на африканском континенте, в Алжире, только что сбросившем с себя цепи колониализма.

Но в связи с тем, что в Алжире произошла смена правительства, Международный фестивальный комитет решил изменить срок и место проведения IX фестиваля.

Но где бы и когда бы ни был фестиваль — все уже твёрдо и хорошо знают, что он приносит с собой дружбу и песни. И какие бы тёмные силы ни старались помешать единству молодёжи мира — это невозможно. Потому что молодёжь понимает: дело мира в первую очередь в её руках, и чем больше будет крепких рук, ограждающих покой и счастье людей, тем надёжнее будет мир.

Итак, впереди IX Всемирный фестиваль!

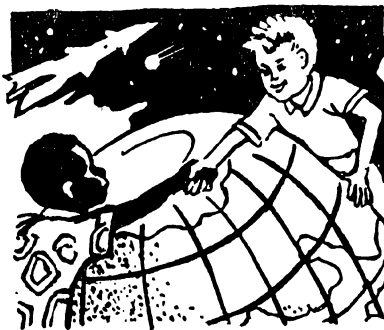

Эдит Сигэл
(США)

Чужой язык

*Девочка приехала
Из чужой страны,
Как-то разговаривать
Мы должны.
Я не знаю языка
Твоего.
Вот тебе моя рука —
Ничего?
Мы сейчас пойдём с тобой
Танцевать.
Можно ли язык такой
Не понять?*

Перевод с английского
Г. УСОВОЙ

В САМОМ ЦЕНТРЕ перекрёстка стоял «тигр». Солнечные лучи пробивались сквозь иссечённую пулемётной очередью листву, и в их сиянии танк весь лоснился от смазки. Злобный грохот в металлическом брюхе «тигра» прекратился, и он замер на месте, подобный чудовищному роботу, сбежавшему из научно-фантастического рассказа.

Со стороны могло показаться, что танк пуст. Но его пушка, медленно поворачивавшаяся то вправо, то влево, нацеливалась на фасады с мёртвыми окнами. Потом дуло пушки вытянулось вдоль аллеи безлюдного бульвара, а из её пасти вырвался огненный язык. В двухстах метрах от танка стеклянные стены нарядного кафе рассыпались искрящейся пылью...

— Рехнулись они, что ли? Стреляют потехи ради!

— Да нет, не такие они дураки. Пока танк здесь, нашим не подойти. А нам — не выбраться.

Шестеро мужчин притаились в узком проходе между домами, шагах в тридцати от танка.

— Эх, будь у нас хоть несколько гранат! — пробормотал один из них и сердито мотнул головой в направлении «тигра».

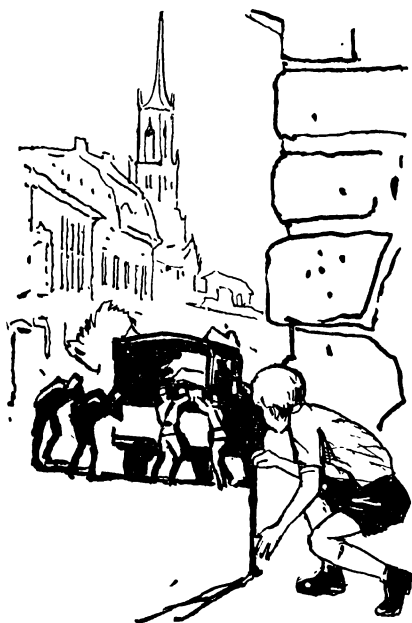
ПАРИЖ горел, как в лихорадке. Первые боевые схватки начались три дня назад в предместьях. И с тех пор город не смыкал глаз. После долгих, продолжавшихся почти пятьдесят месяцев, страданий Париж снова захотел жить — и жить свободным. Против угнетателей выступили все: мужчины, женщины, дети... Париж восстал.

Баррикада... Засада... Снова

баррикада... Опять засада... Близился конец. Тщетно пытаясь отдалить его, разъярённый враг направил «тигров» в самое сердце города.

ТЫ КУДА, Альбер? — У мамы было такое встревоженное лицо. Она только на минутку оторвалась от людей, передававших по цепи булыжники из развороченной мостовой на баррикаду. Но не мог же Альбер сказать ей, куда он собирается, — мать наверняка не отпустила бы его.

— Немножко погуляю в нашем квартале, мамочка, правда же, только в нашем квартале — больше никуда! — И, оставив мать у баррикады, он тут же вышел из своего района — Бельвиля — и зашагал дальше, к Сене и Новому мосту, куда, как он слышал из разговоров взрослых, ушёл ранним утром отец.

Странная прогулка в местах, где Альбер никогда раньше не бывал. Пустынные улицы... вымершие дома... И вдруг — группа людей, возбуждённых и радостных, забравшихся на высокие баррикады — точь-в-точь как на картинках в учебнике истории. Потом снова безлюдные улицы, усеянные осколками стекла, сверкающими на солнце, как бриллиантовая россыпь... И машины, мчащиеся быстрее, чем в кинофильмах, и в них — мужчины с винтовками и автоматами. И где-то вдалеке строчит пулемёт, стреляющий невесть откуда, невесть в кого.

Да, в самом деле, странная прогулка.

Альбер не успел добраться до реки — за поворотом улицы ему пришлось спрятаться в подворотню, чтобы не натолкнуться на группу гитлеровцев. У них был такой растерянный вид, что мальчику припомнилась поговорка: «Крысы бегут с тонущего корабля».

— Ну и рожи! Удирают, проклятые!

Обливаясь потом, с вытянутыми от напряжения и страха физиономиями, фашистские солдаты суежились возле большой машины, грузя в кузов тяжёлые, окованные железом ящики. Ружья? Боеприпасы? Мальчишка, конечно, не мог этого знать.

Но когда грузовик исчез за углом, Альбер осторожно подобрался к зданию, из окна которого ещё свисал флаг со

свастикой, и там, в глубине полутёмной комнаты, заметил ещё один ящик, видимо в спешке забытый фашистами.

Альбер немного выждал... Кругом — ни души. Тогда он толкнул дверь. Никого. Он подошёл к ящику, но не смог разобрать, что на нём написано, и решил:

— Наверно, там оружие. А сейчас оно здорово пригодилось бы нам!

Мальчишка в том возрасте, когда ещё играют в оловянные солдатики, сказал «нам» совершенно просто — объединяя себя с восставшим народом.

И вот тогда-то началась в этом районе, ещё занятом врагом, самая жуткая игра в кошки-мышки, в которой когда-либо принимал участие кто-нибудь из детей.

— Надо переправить ящик к нашим... Только где они?

Волоча ящик, крадучись вдоль стен, он двинулся наугад по незнакомым улицам. Иногда он вздрагивал от выстрела, иногда прятался в подъезде от приближавшегося танка. Но едва стихал лязг гусениц, Альбер снова пустился в путь, вцепившись обеими руками в верёвку, которая уже давно протёрла его рубашку до дыр.

Несколько раз он чуть не попался немцам, пока наконец добрался до какой-то большой аллеи. Он узнал её, потому что не раз бывал здесь с родителями, давно,

когда в Париже ещё были весёлые праздники:

— Так... Это — итальянский бульвар... Слева — площадь Оперы... Кажется, у фашистов здесь комендатура... Её наверняка охраняют... Лучше обойти с другой стороны. В конце концов, я просто испекусь от жары...

Мальчик откинул белокурую прядь, грязные пальцы оставили на лбу три тёмных полосы:

— Если б это был ящик с мылом, может, он лучше скользил бы...

Он всё время говорил, вслух, сам с собой:

— Ну, взяли! Эх...

И Альбер запел знаменитую песнь волжских бурлаков, которую любил и часто напевал отец.

Перегнувшись вперёд, с трудом передвигая тонкие (как у всех мальчишек парижского предместья) ноги, продев руки в надетую на плечи верёвку, он протащил ящик ещё несколько метров.

— Придётся потребовать себе продовольственную карточку работников физического труда!

Он присел на скамью, чтобы перевести дыхание, поставил ноги на ящик и принялся растирать ладони, онемевшие от верёвки:

— Куда теперь? В эту сторону? Или в ту?

«В эту сторону» значило — до конца бульвара, под деревьями, опалёнными солнцем, и на площадь Оперы...

Опера... Это, кажется, что-

то вроде театра, где артисты не говорят, а поют. Мама как-то сказала, что там, наверно, очень красиво, но пускают туда только тех, кто хорошо одет.

Или — в другую сторону, в противоположный конец пустынного бульвара. Там — площадь Республики...

Альбер хорошо знал её, он не раз бегал туда с мальчишками из Бельвиля. И все они тогда удивлялись, почему фашисты ещё не переименовали эту площадь.

— Теперь-то уж не успеют переименовать. У них нынче полно других дел. Ладно, пошли дальше! Не возиться же с этим ящиком до самого начала занятий в школе! Вперёд! К Республике!

И он снова запел:

...Нас родина зовёт,

Мы победим или погибнем!

Ему стало досадно, что он забыл конец «Прощальной песни», которую потихоньку напевал им школьный учитель.

КАПЛИ пота сливались на лбу в блестящие ручейки. Все мышцы рук и ног точно одеревенели. Временами даже темнело в глазах.

— Не падать духом! Надо держаться! В конце концов, встретится же кто-нибудь из наших.

Углы ящика то и дело увязали в расплавленном от зноя асфальте. И тогда Альберу приходилось резким рывком высвобождать свою «добычу».

— Если бы идти по мостовой, было бы гораздо легче. И какой идиот выдумал эти чёртовы панели!

Но идти посреди улицы было слишком опасно — там он стал бы прекрасной мишенью для вражеских стрелков. Поэтому приходилось держаться теневой стороны бульвара, прижиматься к стенам домов и с оглядкой переходить бесчисленные пересекающие бульвар улицы. Переход через улицу представлял для Альбера сущую пытку. Стащить ящик с панели было сравнительно легко, но через несколько метров приходилось снова втаскивать его на тротуар противоположной стороны.

— Ей-богу, он весит не меньше тонны! Ну, взяли! Ещё взяли! Уф!

И вдруг — Альбер как раз перебирался через улицу — раздался пушечный залп. В нескольких шагах от него разлетелась мелкими осколками стеклянная стена кафе. И тут Альбер увидел танк. Стальная громадина наводила на него свою пушку.

— Влип! Теперь — смотри в оба!

Он ещё крепче ухватился за верёвку и продолжал медленно передвигаться, перегнувшись почти пополам, таща свой драгоценный трофей из последних сил.

Танк выстрелил ещё раз... другой... третий... Совсем рядом с Альбером, на металлической шторе, закрывавшей витрину магазина, рас-

цвёл железный цветок, а за шторой раздался звон разбитого стекла. Ещё один снаряд, оцарапав стену дома, обрушил на него град мелких камешков.

— Ходу, Альбер!.. Ещё несколько шагов, и танк останется позади. Можно будет удрать вон по той улице. Там уже безопасно. Ну, давай!.. Взяли!

Но, когда он поравнялся с танком, башня повернулась. Чёрный глаз пушки уставился на мальчика, прямо на него.

— Сюда, парнишка! Живей!

Чья-то жёсткая рука схватила Альбера за плечо и втокнула в какую-то дыру.

— Ты что, с ума сошёл? Ведь ещё секунду — и при-

шлось бы собирать тебя чайными ложками!

А фашисты, видимо, решили, что не стоит тратить снаряды зря, — дуло пушки медленно повернулось в прежнее положение, чтобы снова держать под обстрелом весь бульвар.

Люди, прятавшиеся в узком проходе между домами, подтянули туда ящик.

— Да это гранаты! — воскликнул один из шестерых, проведя пальцем по надписи на ящике..

— Гранаты? — недоверчиво переспросил другой.

Остальные уже сдирали ножами железные оковы.

— Гранаты! Да где же ты стянул это?

— Сам не знаю... На какой-

то улице, неподалёку от Сены.

— Неподалёку от Сены? И пробрался сюда? Тебя же могли сто раз прикончить! Ты понимаешь это или нет? «Неподалёку от Сены!» Ну и мальчишка!

— А что? Немножко прогулялся.

Он произнёс эти слова спокойным, почти равнодушным тоном и замолчал, наблюдая, как «наши» подняли крышку ящика и жадные руки схватили гранаты.

ВОТ КАКИМ образом осуществилась в те памятные дни мечта группы парижских повстанцев о гранатах и как был уничтожен

«тигр» на перекрёстке улиц Ришелье и Друо.

Париж так и не узнал имени этого мальчишки, и никто не прославил его героический поступок. Ведь в ту пору у всех было столько дел! И столько в Париже мальчишек!

Но теперь, среди весёлой толпы на Больших Бульварах, может быть, находится и некий молодой человек, не забывший той удивительной прогулки, которую он совершил в один из знойных дней августа 1944 года, когда Париж переживал горячие дни, а сам этот молодой человек был простым мальчишкой из рабочего предместья.

Перевод с французского В. ГИНЗБУРГ

* ~~~~~ *

Димос Рендис
(ГРЕЦИЯ).

Анна учится музыке

Двор был такой узкий, что солнце почти не проникало в него. Поиграть в нём — тоже не развернёшься. Но по утрам у Дима и Никоса было одно развлечение: они устраивались под окном господина Боннета, старого учителя музыки. Дим подставлял свою спину, а Никос забирался на неё, пытаясь заглянуть через запотевшее окно в комнату. Сквозь раскрытую форточку доносился монотонный голос учителя:

— До... ре... ля... до... фа...

Дим терпеливо ждал, когда

подойдёт его очередь забраться на спину друга. Осторожно повернув голову, он спросил:

— Анна там?

— Там! — Никос видел только голову и плечи девочки. Можно было лишь догадываться, что её руки скользят по клавишам.

— Не так... До-диез, — выговаривал Анне господин Боннет, — смотри же. До... ре... фа, до... фа, ми... ми...

Мальчишки тут же запели ему в тон:

— Дореми! Фасоль, фасоль!..

В тот же миг чья-то рука схватила Никоса за его далеко не музыкальное ухо.

— А ну, слезай, шалопай! Не стыдно вам? Другой игры не нашли?

— Больно!.. — заскулил Никос, прыгивая со спины Дима.

— Убирайтесь отсюда! Пусть девочка занимается музыкой.

— Музыка!.. — ворчал Никос, шагая домой. — Не слышно. До... ре... ми...

Вскоре пришёл отец. Усталый, мрачный. Ник знал: мрачный он потому, что и сегодня не нашёл работу. А тут ещё мать рассказала про злополучное окно.

— Опять обезьянничал? — угрюмо спросил. отец. — Не смей насмехаться над девочкой. Она хочет учиться музыке — пусть учится. Одни имеют такую возможность, другие нет. Когда будут делать меньше оружия и больше музыкальных инструментов, учиться будут все, кто захочет.

На следующий день Никос и Дим видели издали, как учитель подходил к окну и смотрел, не идет ли Анна. Но она не шла. Никос подумал, что Анна, наверное, боится насмешек Дима, и ему стало не по себе.

— Мальчик, — крикнул господин Боннет из окна, — зайди, пожалуйста, ко мне.

Никос впервые переступил порог комнаты учителя. Это

была темная маленькая комната, обставленная старой мебелью. Никос поискал глазами пианино, но его нигде не было видно. Зато он разглядел на столе длинную полосу картона, на которой были нарисованы клавиши.

— Я хочу попросить тебя сбегать к Анне, — заговорил учитель. — Её отец остался без работы и не может платить за уроки. Но Анна пусть приходит. Ты понял? Иди и скажи ей, чтобы она шла заниматься.

Никос быстро добежал и ещё издали крикнул Анне:

— Идём скорее! Учитель велел прийти. Ты всё равно будешь заниматься.

Анна не заставила себя упрашивать. А Никос шагал следом, весело напевая:

— До... ре... ми! Ми... ми! Ми... ми!

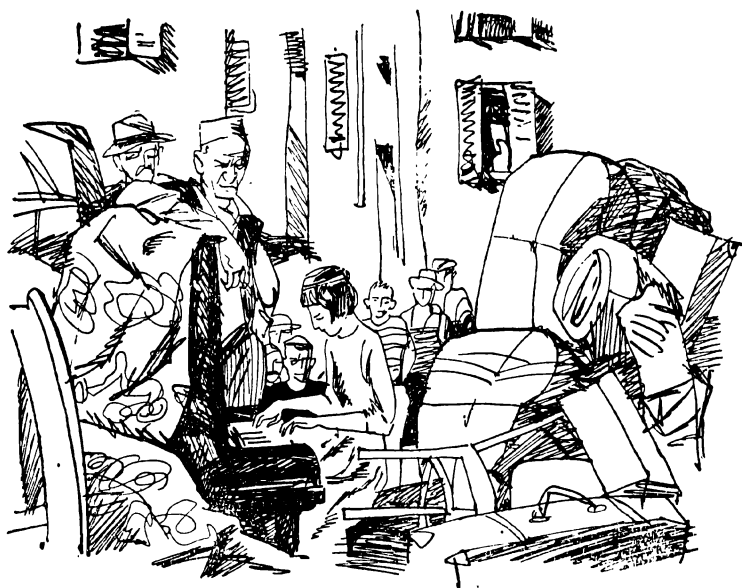
На следующий день Никос и Дим снова играли во дворе. И снова из окна господина Боннета доносились обычные «до... ре... фа». Дим уже было решил, что теперь его очередь влезать на спину другу, но в этот момент послышался голос отца Никоса:

— Никос! Беги принеси мне верёвки. Я нашел работёнку.

— Кто-то переезжает? — спросил Никос, возвращаясь с верёвками. — Возьми меня с собой...

— Пойдём, — улыбнулся отец.

Мебель выносили из богато-того особняка. И какая же была красивая эта мебель! Никос просто разинул рот от удивления. Больше всего ему

понравилось пианино. Оно было чёрное, полированное, гладкое, как зеркало. Отец осторожно обвязал его верёвками и вместе с несколькими рабочими медленно двигал. Никос тоже взялся было помогать, но вдруг остановился:

— Папа, когда завернём за угол, останови грузовик. Пожалуйста, папа! И, не говоря больше ни слова, побежал к Анне.

Из его объяснений Анна не поняла ни слова, но, когда Никос настойчиво потянул её за руку, побежала за ним.

На углу улицы их ждал грузовик, нагруженный мебелью.

— Залезайте! — Отец протянул им руки из кузова.

Никос приподнял ковёр, которым было прикрыто пианино. Анна не чувствовала толчков машины. Её ладони ласково гладили сверкающую крышку, не смея поднять её. Тогда это сделал отец Никоса.

Кто-то пододвинул Анне стул. Девочка дотронулась пальцами до клавиш, и они вдруг зазвучали!..

А грузовик медленно двигался дальше.

Когда подъехали к дому, где нужно было выгружать мебель, отец Никоса подал знак, и грузовик остановился. Девочка продолжала играть свой вальс. Вдруг она подняла глаза и увидела, что рабочие смотрят на неё ласковыми и грустными глазами.

Анна медленно опустила крышку пианино и спрыгнула с грузовика.

Никосу очень хотелось сказать Анне что-то хорошее, и он сказал:

— Знаешь, когда будут делать меньше оружия и больше музыкальных инструментов, учиться сможет каждый, кто захочет!.. Это отец мне сказал.

Перевод с греческого Ф. МИРЕНЕР

Кларенс Джемс Деннис
(АВСТРАЛИЯ)

ПОЧТАЛЬОН

Если б стать мне почтальоном, я бы шёл
по мостовой,
Говорил бы «С добрым утром» всем, кто
встретится со мной,
Нажимал бы я без спросу на любой звонок
дверной,
А ходил бы я в фуражке и в тужурке голубой;
И на всякий случай зонтик мог бы я носить
с собой.

Но в дождливую погоду
Лучше брал бы выходной.
А вы?

КОНДУКТОР

Мне б кондуктором работать, чтоб кричать
на весь вагон:
«Поднимайся-ка с подножки и плати, иначе —
вон!»
А монеты в толстой сумке поднимали бы
резвон.
В жаркий день я прямо к морю свой отправил
бы вагон,
Чтоб совсем без остановок вёз людей до пляжа
он!

И ушёл бы я купаться
С пассажирами в затон.
А вы?

Перевод Г. УСОВОЙ

Истинная правда о том, как прогнали разбойника

Давно это было. Объявился, рассказывают, в лесу разбойник, пугал всех, кто проходил по лесу, и отбирал деньги.

Крестьяне, которые жили в деревне неподалёку от того леса, стали совещаться: как бы прогнать разбойника. Говорили, что разбойник отбирает деньги даже у самураев — а у них ведь есть длинные мечи. Вот и решили крестьяне, что должен взяться за это дело Горобээ, который славился своим искусством в обращении с мечом. Недаром сам князь, хозяин здешних мест, позволил Горобээ носить меч за поясом.¹

«Не может Горобээ отказаться — ведь он с утра до ночи размахивает своим мечом, показывает ребятишкам, как он сверкает», — думали крестьяне.

Горобээ побледнел, но взял за свой меч, молодецки расправил плечи и отправился в лес.

А за ним потихоньку пошёл один мальчик. Это был Сироо. Он замаскировался: прикрыл голову зелёной веткой.

¹ В старой Японии только самураям разрешалось носить меч.

Все жители деревни собрались на опушке леса и стали ждать.

Прошло немного времени — вдруг из леса, спотыкаясь, вы-

ходит Горобээ. Раздет догола, ноги не слушаются и говорит жителям, которые в изумлении вытаращили на него глаза:

— Е... е... есть там разбойник!

И меч, и платье — все отобрал у Горобээ разбойник. Плохо дело — дальше некуда...

«Есть разбойник», — вот и всё, что сказал Горобээ, словечка не прибавил.

«Значит, огромная силища у этого разбойника», — подумали жители и ещё пуще загоревавали.

Что же, кроме Горобээ, не было в деревне ни одного человека, который видел разбойника? Нет, был. Был такой человек!

Сироо шёл за Горобээ до самого того места, где появился разбойник. Но ведь он прикрыл голову зелёной веткой, поэтому ни Горобээ, ни разбойник не заметили его.

А Сироо всё видел: и как разбойник отобрал меч у Горобээ, и как он отнял у него одежду. Тот самый Горобээ, который всегда размахивал перед ребятами своим сверкающим мечом, в лесу, думая, что он там один-единёшенек, спотыкался о каждый корень, а стоило крикнуть какой-нибудь птице — вздрагивал и озибался по сторонам.

«Да он боится!» — вот что подумал Сироо.

А тут снова послышался птичий крик, и с верхушки высокого дерева упала птица.

Едва лишь Горобээ услы-

шал этот крик и увидел упавшую птицу, руки у него затряслись, и он не мог даже вынуть свой меч из ножен.

— Снимай платье! Подавай деньги, если тебе дорога жизнь! — закричал издали разбойник грубым голосом.

Тут на Горобээ словно столбняк напал: стоит, не может шевельнуться. Так он ещё и меча обнажить не успел, а уж разбойник взял над ним верх.

Вдруг пролетел нож и вонзился в дерево, над самой головой Горобээ.

— Если у тебя нет денег, клади свой меч и платье! — опять закричал разбойник издали грубым голосом.

А Сироо увидел из-под своей ветки, что разбойник зажал в руке другой нож и готовится его метнуть.

«Наверно, этот нож у него последний. Сейчас бы подкрасться — и одолеть его!» — подумал Сироо. Но Горобээ, трясаясь всем телом, положил на землю меч, развязал пояс, скинул платье, постоял чинно, как велят правила хорошего поведения, а затем — никто бы и моргнуть не успел — пустился бежать со всех ног из леса.

А так как бежал он в великом страхе, то сразу же споткнулся о корень дерева, полетел вверх тормашками, еле еле на подгибающихся ногах вернулся в деревню.

В это время разбойник приблизился, чтобы взять оставленные Горобээ меч и одежду, — приблизился осторожно, с опаской.

«Вот так штука! И этот трусит», — подумал, видя это, Сироо.

Похоже, что у Горобээ в платье нашлись всё-таки две-три мелкие монетки.

— Хм-м, только-то и всего? — Разбойник положил деньги в мешок и, позвякивая ими на ходу, зашагал в глубь леса. Сироо незаметно последовал за ним.

Вскоре в лесу показалась одинокая усадьба с полуразрушенным домом. Вот за это-то дом разбойник и понёс свой мешок с деньгами.

Там лежал большой круглый камень.

— Уфф! — Разбойник с трудом отодвинул его. Под камнем открылась яма, а на дне её показалась горстка золотых монет.

«Дзинь-дзинь»... Разбойник высыпал в яму все монеты из мешка, а потом обратился к ним с такими словами:

— Если вор придёт за казной моей — превратитесь в змей! Превратитесь в змей!

«Ну, мое дело в шляпе!» — подумал Сироо, услышав это заклинание.

Он что есть духу помчался к деревне, высмотрел зелёных змеек, запрятал их в горшок и опять побежал в лес.

Пока разбойник лежал в засаде, поджидая путешественников, Сироо отодвинул большой камень на задворках усадьбы, вытащил из ямы золотые монеты, а вместо них спустил туда змей, которых принёс в горшке.

Разбойник не подозревал этого. Он опять принёс мешок с деньгами, отодвинул камень и заглянул в яму.

— Ай! — испугался разбойник. — Ай! Это я! Это ведь я, а не вор.

Однако змеи хоть и видели его, не думали снова превращаться в золотые монеты. Они так и оставались змеями и выставили свои головы из ямы.

— О-ох! В таком деле ошибка ведёт к беде. Я ведь сказал: если вор придёт, превратитесь в змей! Если вор придёт!.. Вот беда, если вы забыли...

Куда там! Змеи не обратили никакого внимания на слова разбойника и обвились вокруг его рук.

— О-ой! — громко закричал разбойник и бросился из леса. Тут стражники и сцапали его.

Вот как это было. Однако золотые монеты, которые Сироо принёс в деревню, взрослые отобрали у него, а тому, что он победил разбойника, никто не поверил. Люди и слышать не хотели, что это Сироо совершил такое славное дело.

А вот дети сразу поверили,

что Сироо, не имея ни меча, ни ножа, одержал верх над разбойником.

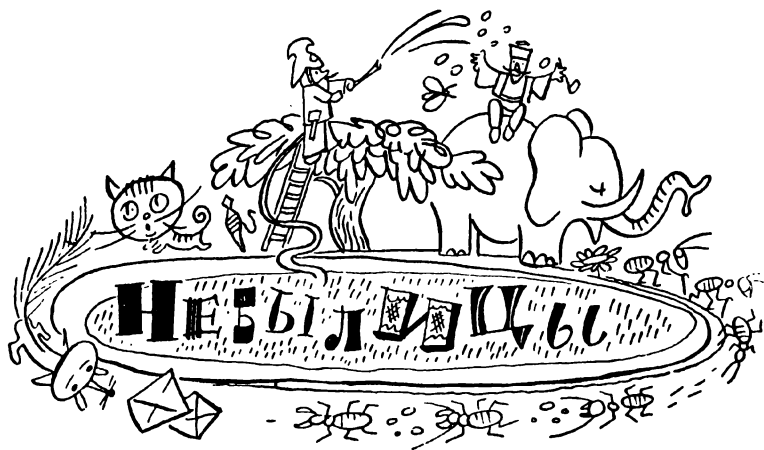
Поэтому эта сказка передаётся и по сей день. Может быть, и вам довелось её услышать?..

Перевод с японского Е. ПИНУС

Бранко Чопич

(ЮГОСЛАВИЯ)

Рисунки Г. Ясинского

Врал Харламий, подвирал Бранко Чопич.

Мой приятель Харламий Лежебока, продавец зевоты, конских рогов и лягушачьей шерсти, так описал мне свой родной край:

— Он находится в конце муравьиной тропинки, чуть подалее кротовьего туннеля и куриной школы. Там кошка лунные лучи прядёт, заяц ружьё носит, а селезень флотом командует.

— Ты смотри! — удивился я.

— Там туман пеньки корчует, гром лентяев будит, старики от молнии прикуривают, а из туч подушки делают, — сообщает мой приятель.

— Да это просто какой-то необыкновенный край, — серьёзно сказал я.

— Ещё бы! — согласился Харламий. — Другого такого края на целом свете нет и не будет, пока коза хвостом подпоясывается, а свиньи на цимбалах играют.

— Да что ты говоришь? — удивился я.

— В моём родном крае блох кольями гоняют, из пистолетов лампы гасят, молотом разум в голову забивают, а если кому придёт хорошая мысль, то на голове сразу вырастает такая шишка, как куриное яйцо.

— Уму непостижимо! — поразился я. — А чем вы занимаетесь?

— Чаще всего сидим да всякие истории рассказываем. Лисица нам почту носит, письма в курятник складывает, телеграммы лаптям передаёт, а деньги мы получаем в восьмой день недели. Дымом крыши подпираем, чтобы они нам на голову не падали, из пальцев волков стреляем, на солнышке лето жарим, пока не получится румяная золотая осень, а из мух слонов делаем.

— Ох ты! — испугался я.

— А чего ты сразу пугаешься? — удивился он. — Я, знаешь, например, такой храбрый, что однажды сам себя в засаде подкараулил, закричал: «Руки вверх!» — обобрал сам себя до нитки, а потом снял с себя пальто и засунул его в карман того же самого пальто.

— Да как же ты мог сам себя ограбить? — разинул я рот.

— Ну, это так же просто, как стоять перед зеркалом и показывать самому себе язык.

— И правда... Это ещё мож-

но понять, — пробормотал я, — только знаешь, я другого в толк не возьму: как ты мог засунуть пальто в его собственный карман?

— Этого я не знаю, — развёл руками Лежебока. — Может быть, карман был больше, чем само пальто?

— Ну, это всё равно, что прыгнуть самому себе в рот! — не согласился я.

— А у нас это часто делают, — признался Лежебока. — Потому-то у всех нас и выбиты зубы.

— А вы прыгайте босиком и пошире разевайте рот.

— Это мудрый совет, — согласился он. — Мы и без того много зеваем, чтобы накопить зевков для продажи.

— Ха-ха-ха! — взорвался я от смеха, словно бомба, да так, что весь дом разлетелся в щепки, а мой приятель Лежебока вспыхнул от стыда и подпалил соседнее село. Тут примчались пожарные и, чтобы они не погасили случайно и мой пыл рассказчика, я побежал, куда глаза несут, куда ноги глядят.

Иначе кто придумал бы такую весёлую прибаутку? Ещё могу вам соврать, что я поцелую свой затылок, укушу себе локоть и сам себе на ухо буду нащёптывать сказки.

Перевод с хорватского Н. САДОВОГО

«Корацци» — значит «шаги»

ТАМ, где Дунай, делая крутой поворот, омывает отроги лесистой Фрушкой Горы, в плодородной низменности лежит город Нови Сад, административный центр автономной области Воеводина.

Нови Сад богат культурными традициями. Ещё в те дни, когда Сербия страдала под гнётом Османской империи, этот город называли «Серпскими Афинами».

Четыре года тому назад ученики восьмилетней школы имени Жарко Зренянина (народного героя, погибшего в боях с фашистскими оккупантами) начали выпускать здесь свой журнал. Вряд ли где-либо встретишь ещё такой журнал, который весь целиком делается руками ребят. Они сами пишут, рисуют, фотографируют, редактируют, сами делают макет, сами верстают журнал в типографии. Ответственный редактор — восьмиклассник Иван Финк. Советники редакции — учитель Иосип Киришек.

Печатается журнал у шефов — в типографии ежедневной газеты «Дневник». Стоимость бумаги и расходов по печатанию оплачивается из средств, полученных с продажи журнала. Выходит журнал 8—10 раз за учебный год, тиражом в пятьсот экземпляров.

Содержание журнала очень разнообразно. На его восьми страницах можно найти и передовую, и рассказ, и стихи. Много в нём постоянных рубрик: «Новости школы», «Познакомимся с великанами человечества», «Наши интервью», «Малыши малышам», «Занимательный уголок».

Свой журнал ребята называли «Корацци», что по-русски означает «шаги».

Драгица Тубич

Подумай, товарищ!

*Подумай, подумай, товарищ,
Как долгие-долгие годы
Над родиной — пламя пожаров,
Под пулями — знамя свободы.
Бинтами затянуты раны,
Уже на исходе патроны...
Уходят в леса партизаны,
Под вязов тенистые кроны.
Не книги — гранаты и ружья
Сжимали мальчишек ладони.*

*Так нужно! Так нужно! Так
нужно!
Подумай об этом, запомни.
Мальчишки, лишённые детства,
Шагали солдатами к бою.
Нам отдали счастье в наследство,
Добытое кровью, борьбою.
Горит их победное знамя!
И в песнях герои воспеты.
Мальчишки, ушедшие в пламя,
Мы выполним ваши заветы.*

— Я предпочитаю иметь при себе адрес, — решил он, — иначе в этой стране, где все куда-то пропадают, меняют свои имена и тому подобное, кончится тем, что я тоже пропаду, стану человеком-невидимкой с невидимой головой и т. д.

Автомат протянул ему карточку с адресом: Виа Серена, 57451.

— Виа Серена?

— В вашу честь, разумеется. Новую табличку повесили через десять минут после вашего приезда.

Марко ушёл.

Ночью в городе оказалось не менее оживлённо, чем днём. Воздух был таким же тёплым и ароматным, уличное движение ещё более бесшумным. Среди всех этих людей без имени, на улицах и площадях с временными названиями, на неизвестной планете, покинутый даже маленьким провожатым, который накануне знакомил его с городом, Марко затосковал.

«Что мне делать? Куда идти? Для чего меня здесь держат? Зачем меня сюда привезли, если теперь меня не допрашивают, за мной не смотрят и ничего от меня не требуют?»

Он был бы рад обратиться к кому-нибудь за объяснениями. Но к кому? Не видно было ни полицейских, ни постовых: никаких следов форменной одежды, которая напоминала бы о представителях власти. Конечно, он мог остановить любого прохожего, например, того в полосатой пижаме, что стоял к нему спиной на тротуаре, и попросить: «Объясните, пожалуйста, что со мной происходит?»

Тот рассмеялся бы, посоветовал бы, вероятно, не волноваться и, чего доброго, попросил бы стянуть для него сигару.

Эта мысль развеселила Марко:

«А не попробовать ли мне что-нибудь украсть? Просто из любопытства. Интересно, выйдет у меня или нет?»

Прошло минут десять, пока он свыкся с этой мыслью, но сердце стучало у него изо всех сил, а руки казались свинцовыми, когда он попытался взять в киоске газету. Рука послушалась его только наполовину: он схватил газету, но тотчас же она выпала у него.

— Пожалуйста...

Какая-то синьора подняла краденую газету и с улыбкой протягивала ему...

— Нет... — пролепетал Марко. — Нет... Это не моя.

— Бросьте! — настаивала синьора. — Я прекрасно видела: газета упала у вас.

— Я... — И Марко почувствовал, как отчаянно краснеет. — Видите ли... синьора, вы ошибаетесь.

Обливаясь холодным потом, он спрыгнул с тротуара и вбежал в магазин — первый попавшийся, где навстречу ему распахнулись двери.

— Добрый день, — вежливо поздоровался с ним автомат, отвечивая поклон, словно продавец. — Что желаете?

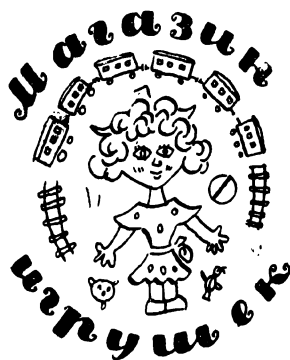
— Откровенно говоря...

Марко огляделся по сторонам. Он находился в шляпном магазине.

— Я ошибся, — пробормо-

тал он, — я думал, тут продаются игрушки.

— Очень сожалею, — сказал автомат с удручённым видом. — Мы продаём только шляпы. Но всё равно, возьмите, пожалуйста, хотя бы одну. Шляпа очень удобна, если хочешь издали поздороваться с друзьями. Вот соломенная шляпа с телеобъективом и внутренним радио. Представьте, вы идёте по улице и слышите чудесную музыку, которая вторит вам в такт. Или предпочтёте вот эту с крохотным автоматом-массажем, который почёсывает голову, когда вы думаете?

Марко ещё больше смутился и направился к выходу. Но автомат был старательным продавцом и вовсе не собирался его отпускать.

— Не обижайте меня, — просил он. — Возьмите хотя бы этот цилиндр. Он пригодится вам для театра.

— Я хочу игрушки, — упрямо твердил Марко.

Автомат с укором посмотрел на него.

— Вторая дверь направо, — сказал он с дрожью в голосе и скрылся в глубине магазина.

Когда Марко выходил из магазина, ему показалось, будто продавец плакал.

В магазине игрушек было не меньше дюжины витрин (разумеется, без стёкол), выходящих на улицу. Марко с важным видом остановился перед витриной и притворился, будто разглядывает товар. Тотчас же автомат выбежал из магазина, услужливо взял его под руку и сказал:

— Сделайте одолжение, войдите. Вы увидите, какой у нас богатый ассортимент. В витринах нет почти ничего интересного.

У Марко не хватило смелости отказаться от столь настойчивого приглашения.

— Мне хотелось бы что-нибудь недорогое, — сказал он.

— Это невозможно, — засмеялся автомат. — У нас товары только высшего качества, товары самые дорогие. Смотрите, магазин набит до отказа. А вы заглянули бы на склады!

— Но у меня, — пробормотал Марко, — нет денег.

— Конечно, нет денег! — воскликнул оскорблённый автомат. — Хотел бы я посмотреть! Вот уже пятьдесят лет мы продаём всё бесплатно: пятьдесят лет, дорогой синьор, как мы не берём ни одного сольдо с наших клиентов. Простите, я сию минуту!

И он устремился на улицу. С движущегося тротуара какой-то прохожий протянул руку за большой заводной куклой, но не успел её схватить. Автомат взял куклу, до-

гнал прохожего, вручил ему покупку, поклонился и ещё некоторое время махал ему рукой и кричал:

— Благодарю! Благодарю! Заходите почаще! Всегда к вашим услугам!..

— Кто это? — спросил Марко. — Большая шишка?

— Я с ним незнаком, — ответил автомат. — Я знаю только, что у него короткие руки.

— Он ведь хотел украсть куклу, а вы ему помогли! Так вы охраняете интересы фирмы...

Автомат засмеялся:

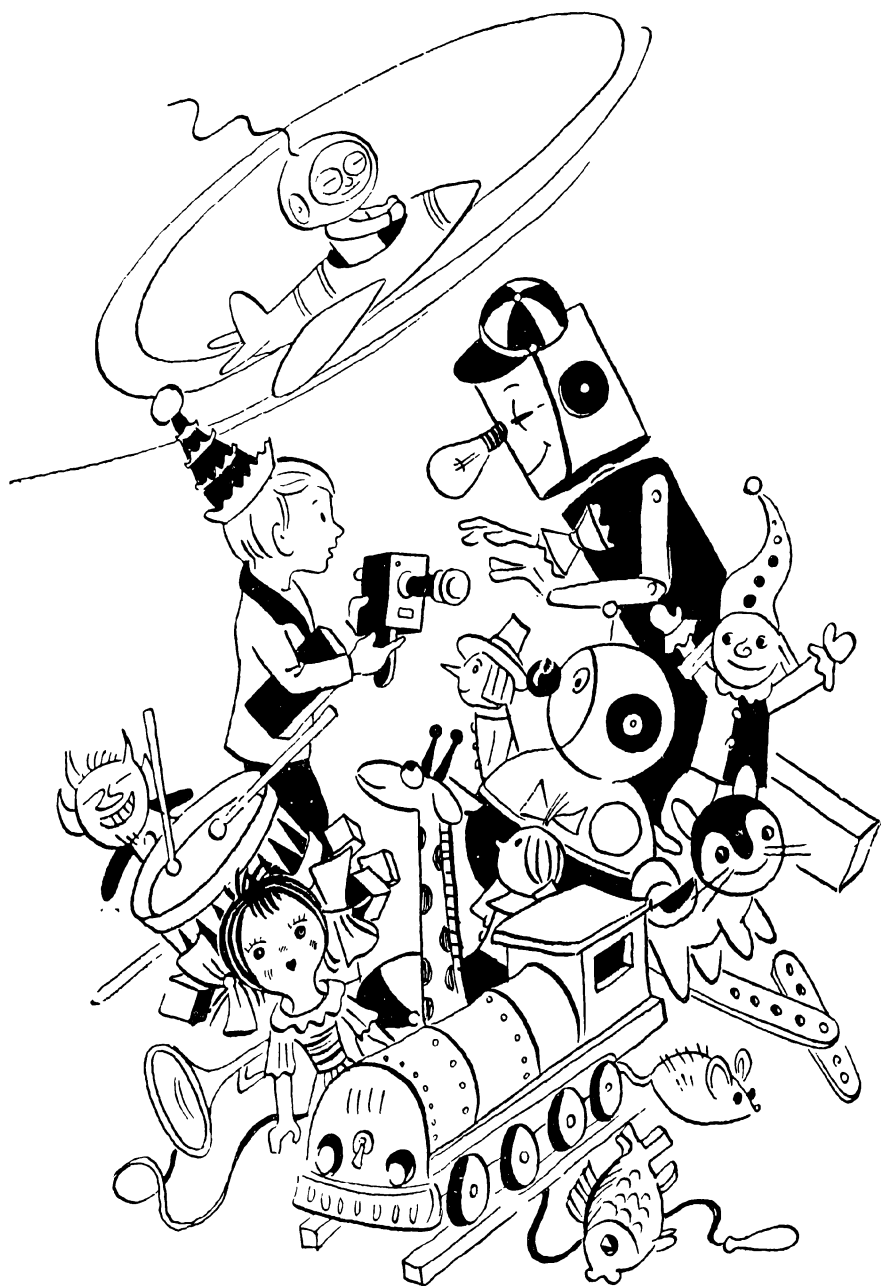
— Возможно, вы приехали из деревни и не в курсе дела. Но даже в деревнях у нас теперь такие же магазины. О, понимаю: вы серенианец, о котором говорили вчера по радио! Какая честь для меня, для магазина, для фирмы!.. Дорогой и глубокоуважаемый гость, вы не уйдёте отсюда, пока не опустошите мои полки.

— Говорю вам, мне нечем платить.

— Платить?! Но если все покупают бесплатно, почему должны платить именно вы, наш гость, прибывший из таких далёких мест? Выбирайте! Ну, выбирайте! Вам нравится эта деревянная лошадка?

— О, нет, благодарю! Хватит с меня деревянных лошадок! Если вы уж так настаиваете, дайте мне лучше вон тот электропоезд... И ту кинокамеру... И ещё...

Автомат с восторженными возгласами носился по магазину, хватал игрушки, на ко-

торые показывал ему Марко, и складывал их у его ног.

— Вот мой адрес,— сказал наконец Марко, показывая карточку.— Пришлите, пожалуйста, до вечера.

— Но возьмите что-нибудь ещё! Прошу вас, умоляю вас

на коленях. Возьмите ещё вот это... и это... и это...

— Ладно, я беру всё,— сказал Марко.— До свидания!

Автомат проводил покупателя на улицу, посадил на тротуар, поцеловал ему обе руки.

— Вы меня осчастливили, — крикнул он вдогонку. — Здесь люди так мало покупают!

Марко вошёл в азарт и в течение целого часа только тем и занимался, что бегал из одного магазина в другой, делал покупки. Он был идеальным клиентом: он купил сразу шесть роялей, к величайшей радости продавца. Он купил даже автоматическую стиральную машину и холодильник в подарок своему автомату-прислуге. Ведь здесь за покупки не приходилось платить ни одного чентезимо. Марко понял наконец, почему витрины везде без стёкол, даже в ювелирных магазинах, и почему не ругают прохожих, когда они протягивают руку, чтобы мимоходом заpastись необходимыми товарами.

— Ну, предположим, — сказал Марко автомату в часовом магазине, который продал ему бесплатно чудесные часики, — предположим, я захочу семь штук таких часов?

— Пожалуйста, берите хоть восемь.

— А предположим, я захочу откупить все часы, что есть в магазине?

— Пожалуйста, берите. А потом куда вы их денете? Ведь для того чтобы знать время, достаточно одних часов. Под землёй, где находятся наши автоматические заводы, только одна машина, если понадобится, может произвести миллион часов в секунду. Вы не разбогатеете и никто не обеднеет, даже если вы наполните весь дом часами, даже если вы будете съедать их по дюжине на завтрак. Кстати, хотите попробовать, отведать?

Марко отказался от угощения. Но поскольку автомат слишком настаивал, он поднёс часы ко рту и надкусил браслет.

— И в самом деле вкусно, — заметил Марко — Пахнет клубникой!

На менее оживлённых улочках Марко откопал самые любопытные магазины: низкие и весьма убогие лавчонки, вроде тех, что встречаются в самых допотопных городах на нашей Земле. Такие лавчонки посещались очень редко: население пренебрегало товарами, которые здесь продавались.

В этом признался Марко автомат, встретивший его в лавчонке с надменной вывеской: «Вы можете стать королём в мгновение ока».

— Никто почти не заходит, — сказал он, печально покачивая головой. — Разве лишь время от времени какой-нибудь старичок или молоденький провинциал.

— Но что же именно вы продаете?

— Титулы, синьор. Дворянские титулы, воинские звания, ордена и медали всех времён и народов. Хотите стать сержантом, великим герцогом, камергером, придворным исповедником, адмиралом, германским императором священной Римской империи? Я вам предлагаю этот титул, потому что знаю: вы серенианец, я вас видел по телевизору.

Автомат пошарил в шкафу и достал свиток пергамента. Он лихорадочно перелистал его и под конец с досадой развёл руками:

— Я напрасно вам пообещал, — сказал он. — Титул германского императора священной Римской империи уже продан на прошлой неделе. Теперь я припоминаю, его купил другой серенианец.

Марко чуть не умер от удивления:

— Как вы сказали?

— Ну да, другой «земляк» — так, кажется, по-вашему. Он, пожалуй, на год старше вас. Так вот этот титул его очень заинтересовал. Он ушёл отсюда с короной на голове и с документами под мышкой, удостоверяющими его императорский сан. Хотите, я могу вам продать титул короля обеих Сицилий?.. А если вас интересуют чины, взгляните сюда...

И он показал красивые золотые нашивки с необычайно сложным рисунком.

— Купите эти нашивки и вы станете помощником заме-

стителя главнокомандующего и суперполковником космического флота планеты Брик-брак, которая прекратила существование еще несколько тысячелетий назад, взлетев на воздух во время атомной войны, словно воздушный шарик.

Марко больше его не слушал. Известие о том, что какой-то человек с Земли находится на планете новогодних ёлок, вызвало у него лихорадку. Немедленно разыскать его! Найти его во что бы то ни стало, поговорить, связаться с ним.

Чтобы отделаться от автомата — продавца титулов, он решил купить чин капитана полиции. Он, по крайней мере, мог пригодиться ему на Земле.

«Когда вернусь в Рим, — подумал он, — обязательно заставлю стоять смирно того полицейского, который не даёт нам играть на площади Санта Мария Либератриче и каждую неделю забирает у нас по мячу».

Само собой разумеется, чин не стоил ни одного сольдо.

Марко покинул унылые улочки, в которых даже заря

была бледной и наступала медленно, словно раздумывая, как бы это ей пробраться среди старого хлама. Когда он снова очутился на корсо, получившего накануне название Этельредус Арифреддус Боллатус, день был в полном разгаре, солнце светило весело и многообещающе. Марко всматривался теперь в толпу с тревожным ожиданием. Сотни детей направлялись в разные стороны, в одиночку или со взрослыми, пешком или на деревянных лошадках. Интересно, кто из них серенианец, земной незнакомец, с которым произошла такая же история? Интересно, итальянец он или русский, американец или египтянин?.. И кто знает, есть ли ещё серенианцы на планете, сколько их и какого они возраста?

Торговец титулами не сообщал ему никаких подробностей. По его мнению, здесь гостило не меньше дюжины земляков, но он не представлял себе, где их можно найти. Существовало ли справочное бюро, куда бы можно было обратиться? Нет, справочного бюро не существовало.

— Попробуйте, — посоветовал ему автомат, — узнать во дворце Правительства Которого Нет. Но я не помню точного адреса, и говорят, будто там почти невозможно кого-нибудь застать.

Появилась какая-то нить, хоть и тонкая, словно паутинка. Впервые Марко услышал о правительстве, хотя в существовании его сильно сомнева-

лись. С чего начать поиски? Один исходный пункт стоил другого. Марко зашёл в «Магазин новинок», потому что название такое показалось ему хорошей приметой. Здесь продавались всевозможные редкости. Например, марки с клеем «тысячи вкусов»: анисовым для открыток, смородиновым для писем, ананасным для заказной корреспонденции. Марко сделал кое-какие покупки и не забыл напихать в карманы многочисленные образцы чудесной «сточилки».

Машинка величиной с напёрсток представляла собой полную противоположность обычной точилки.

Для чего служит точилка? Можно не объяснять. «Сточилка» обладает способностью прямо противоположной. Когда карандаш превращался в огрызок, стоило повернуть его пару раз в «сточилке», и он снова приобретал свои первоначальные размеры: становился длинным, словно новый, и острым. Такая машинка в Тестаччо наверняка пользовалась бы большим успехом.

Объяснения автомата, который показывал Марко, как нужно пользоваться «сточилкой», были прерваны тревожным объявлением по радио:

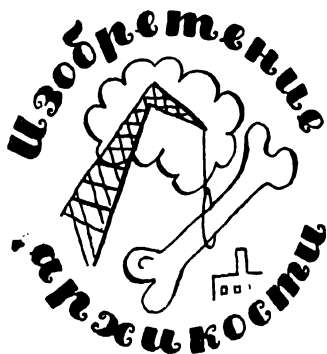
— Внимание! Внимание! Свора лающих архипсов направляется к нашей планете. Просим всех заткнуть уши до отбоя тревоги.

Марко возмутился:

— Если заткнуть уши, как мы услышим отбой тревоги? Или, наверное, муниципалитет

направит полицейских щипать людей, чтобы они вынимали из ушей вату?

— Простите, — спросил его автомат, краснея до самого последнего стального колёсика, — вы можете предложить что-нибудь другое?

Люди, присутствовавшие при этом диалоге, от удивления забывали затыкать себе уши. А издали уже доносился беспощадный лай приближающихся чудовищ.

— Но, чёрт возьми, — продолжал Марко, — неужели вы не можете заставить замолчать этих диких животных? Бросьте архипсам архикости и увидите: через десять минут они прибегут лизать вам руки.

Восторженное «о!» пронеслось из уст в уста, словно порыв ветра.

— Архикости! Он сказал: архикости!

— Ну, конечно! Как мы раньше не додумались?

Автомат схватил Марко за руку:

— Идёмте, идёмте скорей к директору магазина!

— Да я же толком не знаю, — запротестовал Марко. — Я сказал просто так.

— Нет, нет, сделайте одолжение, пожалуйста: вы произнесли слово, которого мы долго ждали. Идёмте!

Генеральный директор воспринял новость не менее восторженно, чем автомат и публика. Он взял телефонную трубку и тотчас же отдал приказ:

— Алло!.. Подсекция номер 455577... Приостановите работу: скоро вы получите модель архикости. Вам придётся сразу изготовить миллион экземпляров. Заказ очень важный.

Марко дали в руки карандаш.

— Нарисуйте архикость.

Он с удовольствием признался бы, что умеет рисовать только карикатуры на стенках, но, боясь тем самым скомпрометировать старую Серену, всё равно принялся за работу.

Он набросал на бумаге какой-то предмет, который с очень далекого расстояния мог сойти также за кость, украденную бездомным псом на мясном рынке в Тестаччо, и показал свой рисунок не колеблясь. В подобных обстоятельствах главное — уверенность. Модель архикости была принята под восторженные возгласы и аплодисменты.

«Они довольствуются малым», — подумал Марко, который скорее притворился бы больным, чем показал бы такой рисунок в школе. Он не высказал своих соображений вслух и последовал за толпой из магазина на большую площадь, где сотня автоматов, работая необычайно быстро,

уже устанавливала специальные пусковые площадки, спроектированные, изготовленные и привезённые в течение нескольких секунд.

Ждать пришлось недолго. Едва лишь первые архипсы появились в небе над городом, рассекая цветные облака, из которых посыпался дождь конфет-конфетти, как из подземных заводов поступил первый образец архикости.

По его рисунку, откровенно говоря, сделали нечто чудовищное: кость величиной с Коллизей. Одним словом, архикость.

Когда снаряд, пущенный автоматами-артиллеристами, миновал крыши и очутился на высоте архипсов, в их рядах наступило минутное замешательство; потом все вместе, прекратив неистовое завывание, они бросились на добычу и принялись грызть её, взвизгивая от удовольствия.

— Грызите, грызите! — кричал в восторге директор магазина. — Мы приготовили для вас сюрприз: кость, которую никогда не догрызёте до

конца. Может хватить на целое семейство архипсов до седьмого поколения.

Из глубины космического пространства прилетели новые своры архипсов. С земли им навстречу устремлялись новые лавины архикостей, и результат наступал немедленно: тишина воцарялась в мгновение ока. Некоторые архипсы опускались грызть деликатесы на крыши, другие прилетели в парки, ложились на тротуары, и дети могли безнаказанно дёргать их за хвост. Архипсы ничего не замечали.

Всего двумя-тремя сотнями архикостей удалось заставить замолчать по меньшей мере десять тысяч архипсов. Стоило запустить архикости на большую высоту, и архипсы решили покинуть город. Они удалились в космическое пространство — туда, откуда прибыли, при этом не переставали облизывать и грызть свою добычу, звонко прищёлкивая и виляя хвостом. Казалось, они даже разучились лаять.

— Памятник! Памятник! — кричали в толпе энтузиасты, с восторгом глядя на Марко. — В Зимний дворец, скорей! Все в Зимний дворец: воздадим должное победителю!

Марко предпочёл бы отказаться от почестей, но среди всеобщего энтузиазма ему не удавалось произнести ни слова. Он философски принял новую ситуацию, поскольку находился на плечах своих почитателей, и, не коснувшись земли, очутился у самого вхо-

да в парк, окружённый высокими стенами. Надпись на решётке возвещала: «Зимний дворец», а плакат меньшего размера гласил: «Свешалка налево».

Предвосхищая всё, что Марко узнал в тот памятный день, дадим здесь кое-какие необходимые справки о Зимнем дворце.

На планете, как мы уже говорили, царила вечная весна. Специальные машины — мы не станем их описывать, так как Марко их не видел, поскольку они работали под землёй или на далёких космических станциях, — поддерживали климат, управляли ветрами, осадками и другими атмосферными явлениями в соответствии с искусственным календарём, в который природа больше не имела права совать свой нос.

Весна, конечно, самое приятное время года, но красота зимы тоже кое-чего стоит. А как чудесно лето с его знойной жарой, палящими лучами солнца, когда загорелым становится тело и ещё сильнее хочется нырнуть в воду! Куда девать всё это? Есть, наконец, люди тихие, спокойные, склонные к воспоминаниям и раздумьям, которые не могут обойтись без осени. По этим и другим причинам в целой зоне планеты постоянно поддерживался осенний климат. Почти на всех пляжах стояло непрерывное лето без гроз, без облачных дней. И как раз в самом сердце города находился огромный Зимний сад с

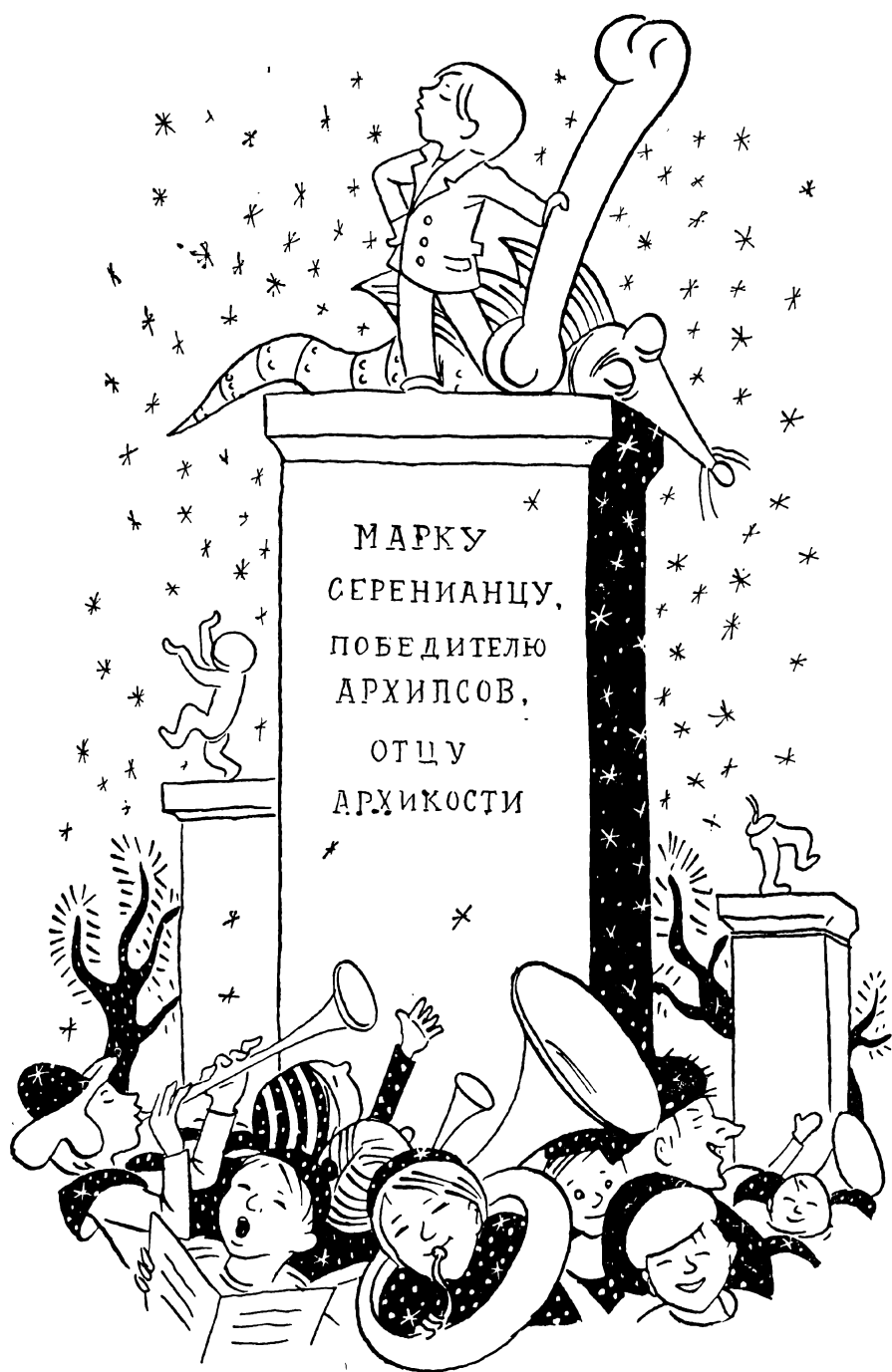
всегда свежим снегом, ежедневно, в течение целого года, с маленькими прудами, покрытыми льдом, для катанья на коньках и настоящими сосульками на деревьях (которые были, конечно, новогодними ёлками).

При входе в Зимний сад в просторном вестибюле помещалась «свешалка». Пальто, шубы, сапоги предоставлялись дирекцией сада в распоряжение публики. Посетители при входе снимали со «свешалки» всё, что им было нужно, на своё усмотрение, а при выходе вешали обратно. Полная противоположность нашим вешалкам.

Закутанный в тёплую белую шубу, в сапожищах на меху, Марко последовал за толпой на вершину горки, откуда с радостными криками съезжали на санях вниз сотни детей. Желаящие принялись огромными лопатами сгребать снег в кучу, а замечательные скульпторы за несколько минут слепили из снега памятник: Марко ногой попирал архипса, а в поднятой руке держал архикость. На постаменте памятника эпитафия, написанная губной помадой одной синьоры, гласила:

МАРКУ-СЕРЕНИАНЦУ,
ПОБЕДИТЕЛЮ АРХИПСОВ,
ОТЦУ АРХИКОСТИ

Откуда-то появился оркестр и исполнил величественный гимн. Затем, когда аплодисменты смолкли, Марко поставили на монумент рядом со снежным Марко, и толпа разо-

шла, обсуждая происшедшее событие.

«О! — мысленно произнёс Марко. — Праздник окончен».

Оглянувшись, он убедился,

что его памятник был не один. Дюжина других снежных статуй возвышалась в этом своеобразном Пантеоне под открытым небом. Некоторые

статуи уже начали таять: здесь не хватало носа, там непонятной стала надпись. У одной статуи даже голова упала к ногам, и никто не собирался водворить её снова на место.

Марко уже готов был предаться грустным размышлениям о славе, как вдруг кто-то весёлым голосом его окликнул, и он увидел Маркуса: тот бежал ему навстречу.

— Как дела? — кричал мальчуган, скатывая снежок. — Вижу, ты прекрасно обходишься и без меня. Уже успел заработать себе памятник!

Сказав это, он ловко прицелился и запустил снежком в переносицу снежного Марко.

— Да, именно в мою статую: не мог бросить в какую-нибудь другую?

— Всё равно дети превратят её в мишень, лучше если первым бросит в тебя друг.

Марко сошёл с памятника.

— Объясни, — сказал он, — почему ты меня покинул?

— Дела, — ответил Маркус, пожимая плечами.

И, словно торопясь переменить тему разговора, добавил:

— Знаешь, мне ещё никогда не удавалось заслужить памятник.

— У нас памятники возводят только умершим, — сказал Марко. — И вовсе не снежные, а бронзовые или мраморные... Их устанавливают на площадях, на улицах, в парках.

— Представляю себе, как они загромаждают город, — заметил Маркус. — Я предпо-

читаю наши снежные памятники: они стоят недолго и уступают место другим. И потом, какое удовольствие умершему от того, что ему поставят памятник? Когда памятник воздвигают при жизни, человек радуется, даже если памятник стоит недолго.

В делах день прошёл незаметно: они успели пообедать в ресторане и побывать в «зоологическом» саду, названном так Марко, потому что львы и тигры разгуливали здесь рядом с людьми, а крокодилы играли с детьми и лебедями в прозрачной воде озера. Клеток не было и в помине.

Марко неоднократно спрашивал у товарища о причине его ночного исчезновения, но так и не вытянул из него вразумительного ответа. Он спросил у него о других серенианцах, которые сейчас должны были гостить на планете, но и тут Маркус проявлял осторожность. У Марко стало портиться настроение. Словоохотливость его постепенно исчезала. Он не мог больше выносить неведения. Желание лю-

бой ценой проникнуть в окружающую его тайну — в тайну его путешествия на планету — росло в нём, словно плод, созреванию которого ничто не может помешать.

«Сегодня ночью, — дал он себе слово, — я не сомкну глаз».

После ужина они вернулись в домик на улице Серены. Марко едва удостоил взглядом горы коробок, в которых из разных магазинов прислали ему домой покупки, сделанные утром. Он не стал прислушиваться к болтовне автомата-прислуги, следившего по телевизору за его победой над архипсами. Марко сказал, что ему хочется спать, поднялся к себе в комнату, сменил красную пижаму на жёлтую, лёг в постель и погасил свет.

Он оставил приоткрытой дверь, ведущую в соседнюю комнату, и сквозь щёлку наблюдал за Маркусом, который взял с собой в постель книжку. Вскоре он увидел, как тот

зевнул, захлопнул книжку и протянул руку к выключателю. В темноте слышно было, как тот пару раз перевернулся с боку на бок. Тогда Марко бесшумно встал с постели и подполз к самой двери, чтобы прислушиваться к его дыханию. Он устроился на полу с твёрдым намерением не позволить во второй раз провести себя за нос.

Лёгкий стук хлопнувшей двери заставил его вздрогнуть. Марко протёр заспанные глаза: наверно, он дремал, но сколько? Дыхания Маркуса больше не доносилось.

Мальчик забежал в соседнюю комнату, включил свет и, увидев неприбранную постель, помчался вниз по лестнице. Очутившись на улице, он едва успел заметить в сотне шагов от себя убегающего Маркуса.

«На сей раз он от меня не уйдёт», — обрадовался Марко, вскакивая в свою очередь на движущийся тротуар.

(Окончание следует.)

Лишь платформа
 незаметно отплывёт —
 он берёт стремительный разбег.
 Начинается весёлый хоровод:
 мимо — школа,
 улица,
 проспект.

Мимо — краны,
 склады,
 гаражи.

Погуди им, поезд,
 погуди!

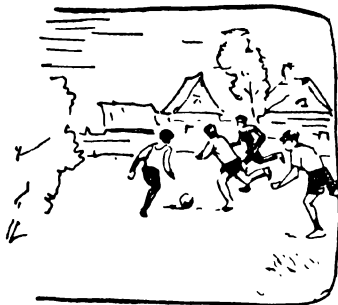
Расскажи нам, поезд,
 покажи,
 что ещё там дальше,
 впереди?

Поезд-выдумщик,
 весёлый фантазёр,
 навывдумывай нам речек
 и озёр!

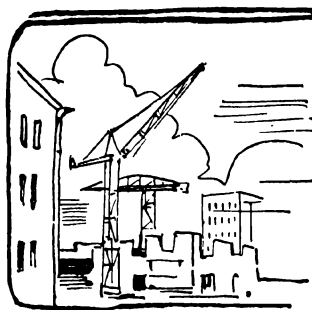
И полянок,
 и лужаек,
 и цветов! —

Отвечает,
 оглушает:
 — Я готов!

И мелькают огороды,
 и дома,
 и деревья,
 и дороги,
 и поля.

Всех на свете
 подхватила кутерьма,
 закружилась каруселью
 вся земля.
 Отмаячила фабричная труба,
 серый камень переспорила трава.

И становится
 зелёной карусель,
 за берёзою вдогонку

 скачет ель,
 Но рассыпался зелёный хоровод,
 разбежались ёлки в стороны —
 и вот

громыхнул
 разбуженный металл,
 над речною тишиной
 прохохотал.

Если хочется —
 от радости кричи,
 от того, что разбегаются глаза.

Поглядите —
 настоящие грачи!

Поглядите —
 настоящая коза!

Мяч,
 взлетевший над поляною,
 привет!

И гудит наш паровоз. Гуди!
Интересно, что-то будет впереди?

*~~~~~

у т р о

Д е н ь

Н о ч ь

В е ч е р

Летний вечер под окном
Раскачался петухом.
Шум такой, что улица
Недовольно хмурится.

Бедный голодный Тяпа

В квартире нас трое: Надька, я и рыжий щенок Тяпа.

Каждый думает о своём. Надька, как всегда, о своих веснушках. Я и Тяпа об одном и том же — как бы сегодня поесть! Мне стыдно смотреть на Тяпу: я истратил все деньги.

Уезжая в отпуск, мама сказала: «Главное, Саша, — это чтобы вы с Тяпой были сыты. И пиши мне обо всём, а то я буду беспокоиться!»

Денег нет. Зато есть фотоаппарат «Смена-5». Новенький! Только что из магазина! Скоро я сфотографирую Тяпу и пошлю карточку маме. Только как же его снимать, если он такой голодный?..

Надька — наша соседка, пятиклассница. Мы с Тяпой стучимся к ней.

— Кто там? — спрашивает Надька, хотя отлично знает, что из людей нас в квартире только двое.

— Ихтиозавр! — рычу я из-за двери и начинаю хрюкать.

Как разговаривают ихтиозавры, мне неизвестно.

— Войдите!

Тяпа входит первым, я — последним.

Так и есть: Надька сидит перед зеркалом и считает веснушки.

— Сашка! А у меня сегодня на две веснушки меньше!!

— Ур-ра!! — кричу я и делаю стойку на руках.

Тяпа ликует вместе со мной.

— Надька! — говорю я, не выходя из стойки, — дело, значит, такое: у меня мука есть!

— Ну и что?

— А как из неё манную кашу сварить?

Надька стучит пальцем по голове и советует вызвать скорую помощь.

— У меня ещё соль есть! — добавляю я.

Надька задумывается. Мне надоело стоять на руках, и я встаю на ноги.

— А молока у тебя нет? — спрашивает Надька. — Можно оладушки сделать...

— А без молока?

— Т о ж е можно...

— Значит, можно?!

— Ага...

— А как это без молока?

— Очень просто: берёшь муку, заливаешь её керосином и по вкусу сыплешь перец и соль!

Это уже явное издевательство.

— Ах так! — говорю я. — Тогда придётся тебе кое-что напомнить!

— Кто тебя научил вышивать болгарским крестом? — ору я Надьке, и Тяпа меня поддерживает.

— Ты! — признаётся Надька. И рецепт изготовления оладьев в моих руках! В придачу получаю кусочек сливочного масла. Я бросаюсь на кухню. Тяпа бросается в сторону.

Через полчаса я гордо держу перед собой вилку.

На ней сидит моя первая самостоятельная оладья. Входит Надька. За ней ковыляет Тяпа.

— На, пробуй!

Надька пробует.

— Резиновая она у тебя какая-то.

— Б р о с ь трепаться!

Надька пробует ещё.

— Т о ч н о, резиновая! Рези-но-вая!!

Надька прыгает по кухне, размахивая вилкой с оладьей, как

флажком на первомайской демонстрации.

— Ре-зи-но-вую Зину купили в ма-га-зи-не,

Ре-зи-но-вую Зину в корзине при-вез-ли!

Тяпа внимательно слушает Надьку. Ему интересно: упадёт или не упадёт с вилки эта самая оладья?..

Я решаю не обращать внимания на Надьку и дожариваю оладьи.

— Сашка! — неожиданно говорит Надька. — А мука у тебя откуда?

— Откуда, откуда? Из банки!

— Из какой банки?

— Из стеклянной!

Я тычу пальцем в сторону полки. Надька хватается банку и по локоть запускает в неё руку.

Я жду, пока она там колдует.

— Скрипит!

— Что скрипит?!

— Мука твоя скрипит! Понял? И вообще это не мука, а обыкновенный крахмал!!!

Я не верю Надьке. Я про-

бую оладьи. Пробую, и вкус их отдалённо напоминает мне вкус банного мыла.

Рука моя безжизненно опускается, и оладья шлёпается на пол.

Тяпа пользуется случаем и пробует тоже. Ему нравится, и он просит ещё.

Надька уходит в свою комнату.

Тяпа ложится спать.

Я сажусь за стол и пишу письмо: «Дорогая мама! Можешь не беспокоиться! Тяпа сыт!..»

~~~~~

С. Коган

— Скучно в лагере у нас! —
Кисло морщится Тарас.
— Завтрак съел и до обеда
Коротай за часом час.
Больше в лагерь не поеду —
Дома лучше в тыщу раз!
— Да, конечно, лучше дома! —
Говорит, вздыхая, Дёма. —
Дома я весь день лежу
И в походы не хожу,

Без отрыва от подушки
Все зарядки провожу.
— Скучно в лагере у нас! —
Тянут Дёма и Тарас.
У живого уголка
Постояли два дружка,
Посмотрели на ежей,
На зайчишек-малышей.
Говорят им:
— Заходите!
Говорят им:
— Помогите!
— Вот ещё!
— Была охота!
— Это скучная работа!
Стадион гудит, ревёт —
Снова свалка у ворот:
Мяч на край пасует кто-то
Снова пас! Ещё! Удар!
Мяч насквозь пробил ворота,
В сетке мечется вратарь.
Два зеваки друг на друга
Посмотрели:
— Ну и скука!
А в столярной мастерской
Стружки сыплются горой,
Молотки, как пулемёты,
Рассыпают дробь вокруг.
— Интересная работа!
Становись-ка рядом, друг!
— Вот ещё!
— Была охота!
— Нам работать недосуг!
— Скучно в лагере у нас! —
Тянут Дёма и Тарас.

ПЕРВЫЙ ПОДБЕРЁЗОВИК

Маленький Подберёзовик сидел в темноте под прошлогодними листьями и очень хотел поскорее выглянуть на белый свет. Ведь каждый гриб мечтает, чтобы его нашли и обрадовались ему.

Но старая бабушка-Берёза строго шелестела листьями:

— Рано ещё! Подожди. Ты же не легкомысленная Сыроежка и не стилига-Мухомор. Нельзя быть навязчивым и самому лезть под ноги грибникам. Рано ещё!

Но упрямый и непослушный Подберёзовик раздвинул шляпкой сухие листья и вылез навстречу солнцу.

— Квак! — сказала лягушка. — Какой ужас! Подберёзовик вырос. Значит, половина лета прошла. Значит, ско-

ро всё лето пройдёт. — И в глазах её блеснули слёзы.

«Я её огорчил», — расстроился Подберёзовик.

Заяц увидел его и задрожал в страхе:

— Ой, Подберёзовик! Теперь люди с корзинами придут, а потом охотники с ружьями. Пропал я, пропал!

«Я его испугал», — огорчился Подберёзовик.

Белка соскочила с дерева, обнюхала Подберёзовик и сердито зафыркала:

— Ну, зачем ты так рано вырос? У меня ещё сучки не готовы. Где я тебя буду сушить на зиму?

«Никто мне не рад, — загрустил Подберёзовик, — никому я не нужен».

Шёл мимо Человек. Заметил его, улыбнулся:

— Здравствуй, первый Подберёзовик! — Наклонился к нему, протянул руку, да раздумал: — Какой с тебя прок — с одного, с малыша! — И ушёл.

Опустил голову Подберёзовик и заплакал. Как бы хотел он залезть обратно под листья! Но грибы назад не растут.

Вдруг услышал он счастливый детский голос:

— Ой! Гриб!

Маленькая девочка хлопала в ладоши, приплясывала и пела:

— А я гриб нашла! А я гриб нашла!

Подбежал мальчик в скрипучих сандалиях, присел, по-

трогал Подберёзовик пальчиком и важно сказал:

— Какой же это гриб? Он ещё совсем маленький. Это грибёнок.

— Вот и возьмём его в детский сад! — засмеялась девочка.

В детском саду все так обрадовались Подберёзовику, что даже поставили его в маленький стаканчик с водой, как цветок.

Легли дети спать, а счастливый Подберёзовик в темноте да в воде знай себе растёт, старается. Проснулись утром ребята, смотрят: стоит на столе большой красивый гриб и как будто говорит:

— Вот как надо расти! Всем на радость!

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

Т о п о л ь

*В траве
проклянулся былинкой
незримый миру тополёк.
Вовсю хохочет повилика,
узрев его
у самых ног.
Откуда?
Кто такой?*

*Не знает!
Он слаб и лёгок, словно пух.
Его от ветра заслоняет
листом
торжественный лопух.*

*Его ромашка поучает,
как уберечь себя от бед.
А колокольчик
иван-чаю
кивнул:
— Смотрите, пустоцвет!..
Вот так рядили да гадали,
а тополь рос,
звенел листвою...
И травы хвастали:
— Видали?..
А он ведь тоже был
травой!*

НАБАТ

(ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ)

После короткого отдыха эскадрон Красной Армии выступил в район боевых действий. На одном из привалов неожиданно выяснилось, что в обозе, зарывшись в сено, тайком едет на фронт двенадцатилетний Яшка Снетков. Командир пожалел сироту — оставил при эскадроне.

Вскоре в одном из боёв Яшку ранило. Пулемётчик Фёдор Дроздов отдал раненому товарищу свой полушубок. В нём Яшка и едет в госпиталь.

Полушубок оказался не простой. Во внутреннем его кармане была пришта записка, из которой выяснилось, что это подарок крестьян деревни Заозерье самому товарищу Ленину. В ту пору по всей стране шёл сбор тёплой одежды для бойцов Красной Армии. Отдал, как видно, и Ленин подаренный ему полушубок.

Долго Яшка провалялся на госпитальной койке, а когда выздоровел, пустился догонять переброшенный на Дальний Восток эскадрон, чтобы вернуть Дроздову полушубок товарища Ленина.

Но по пути Яшку свалила болезнь. Он нанимается в работники к деревенскому богатею Егору Лукичу и здесь узнаёт, что Дроздова уже нет в живых. Остается одно: ехать в Москву и вернуть полушубок истинному его хозяину — самому товарищу Ленину. Этот полушубок теперь для Яшки — всё равно что пропуск к вождю, которого он решил во что бы то ни стало повидать, рассказать ему о своей жизни, а главное — узнать, как ему, поселковому парнишке, сыну слесаря, жить дальше, чтобы стать настоящим большевиком.

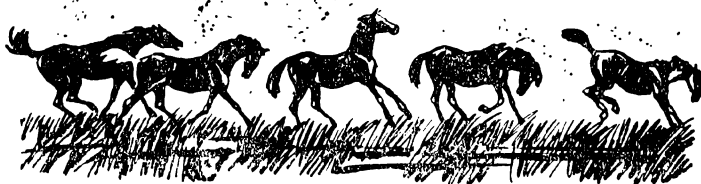
*

Каждую весну, когда на Тавде спадал паводок, а на полянах среди тайги поднимались сочные травы, село Гусаки выводило на берег свой конский молодняк. Дрожащих от страха жеребят-перезимков, а то и двухлетков силком за-таскивали в лодки, накрепко привязывали пеньковыми поводьями. Потом флотилия трогалась и, сносимая течением, устремлялась вкось через Тавду. Обезумевшие жеребята неистово ржали и бились на при-

вязи, грозя опрокинуть шаткие лодки. Мужики отчаянно ругались, грозными окриками успокаивали взноровившихся жеребят, а когда это не помогало, в сердцах клали на храп свои тяжёлые ладони — пере-хватывали дыхание.

На правом берегу срывали уздечки и звонкими шлепками гнали жеребят прочь: корми-тесь, мол, сами как знаете!..

Молодняк сбивался в табун, и эта дикая вольница до глубокой осени кочевала по тай-

ге, пугая зверя и птицу, сама пугаясь каждого шороха.

Поначалу неопытный вожак заведёт табун то в лесную чащобу, то в болото. Тучи голодного комарья кидаются на жеребят, с лёту дырявят нежную, облинявшую кожу и жадно пьют горячую кровь, темнея на глазах, распухая и даже лопаясь от собственной жадности. Ошалелый табун бросается наутёк. Храпя и ржа, он мечется по тайге, пока не находит спасения на открытых, продуваемых ветром полянах.

Случалось, волки выслеживали какого-нибудь лопухого жеребчика, по дурости отбившегося от табуна, и ему уже не суждено было стать добрым конём: от него оставались лишь обглоданный череп да крупные кости.

Другой находил свою гибель в болотной трясине, третьего жалила змея, и он слабеньким ржанием взывал к уходящему табуну до тех пор, пока не падал где-нибудь обесиленный.

Раза три-четыре за лето навещали табун деревенские парни. Выслушивая отцовский наказ, они притворно хмурились, делали вид, будто им в тягость плутать по тайге, искать неизвестно где жеребят. А в душе каждый был рад случаю вырваться на два-три дня из дому, уйти от сурового родительского глаза, побалагурить, поскалить зубы среди товарищей.

В канун троицы Егор Лукич подозвал Яшку:

— Парни собираются наве-

даться к жеребьям. Придётся, как видно, и тебя спосылать. Всё равно мельница будет стоять в праздники.

— Надо, так пошлите, — поднял Яшка глаза на хозяина. — Я согласен.

Егор Лукич усмехнулся и, помолчав, сказал:

— У меня не та забота, согласен ли ты. А вот узнаешь ли теперь среди других жеребят Колобка да Лешего? Они, должно, шибко подросли.

— Узнаю! — заверил Яшка. — У Колобка левая задняя чуть не по колено в белом чулке, а Лешему в драке Аникеевых жеребец отхватил кончик правого уха. Да и породой ваши жеребята куда завиднее деревенских.

Польщённый Егор Лукич кивнул:

— Насчёт породы это ты резонно: сроду не держал пузатых недомерков. Ну да ладно... Словом, бери харчей и с богом. Заседлаешь старую Кушевку. Ей в самый раз будет промяться. Только заруби себе: кобылу не гнать! Она жерёбая, считай донашивает. Даст бог, к Петрову дню будем с жеребёночком...

Выехали ещё затемно. Тронулись степенно, шагком. А за деревней перешли на рысь.

— Эй, догоняй! — озорно крикнул Семён Аникеев и выпустил гнедого четырёхлетка во весь мах.

Парни хлестнули коней. Началась скачка.

Яшка сразу отстал. Он потихоньку трусил на Кушевке — помнил хозяйский наказ.

Да и куда торопиться? Всё равно на переправе ждать и ждать парóма, который поднимает за раз не больше десятка коней.

Уже рассвело, когда Яшка подъехал к переправе. Как раз парóм шёл с того берега порожнём. Парни, посвистывая, поили в Тавде запотевших коней.

— Что, мельник, отстал? Или боишься шибко ездить? — с ехидцей осведомился Володька Кучеров, семнадцатилетний подросток, гордившийся тем, что под ним было настоящее кавалерийское седло.

Яшка смерил Володьку взглядом:

— Седлишко неважное. Будь у меня твоё кавалерийское... Э! Да куда ж ты шенкеля подевал?

— Шенкеля? — не понял Володька. — Это какие же? — Он потрогал лукú, оглядел стремяна. — Кажется всё при месте...

— Кажется! — передразнил Яшка. — Перекрестись, если кажется...

Парни в голос захохотали. Они недолюбливали Володьку и рады были случаю сбить с него спесь.

— Гля, ребята! — оскалился Семён Аникеев. — И верно порастерял... эти... как их... шенкеля. А хвалится: мол, я да я...

Окончательно сбитый с толку Володька нахмурился и засопел:

— Подумаешь! Порастерял, так свои. Не ваши!

Семён выравнивал гнедого с

Яшкиной кобылой, тихонько спросил:

— Слушай, что за шенкеля? А то я поддакнул тебе против этого балабона, а сам, признаться, тоже...

— Нарочно я, чтоб не задирал нос! — усмехнулся Яшка. — Шенкель — это же нога всадника от колена по щиколотку. В кавалерии так называется...

Не успели переправиться, как из-за леса выкатилось солнце. Поникшая под тяжестью крупной, ядрёной росы придорожная трава начала распрямляться, дымясь и роняя росинки. Приветствуя новый день, дружно грянули в кустах птицы. С басовитым жужжанием прилетел откуда-то толстый, откормленный овод, уселся на лоснящийся круп Семёнова жеребца, но тут же снялся: должно быть, прилетал в разведку.

— Погодка! — повёл Семён восхищёнными карими глазами. — Как на заказ! Спасибо, тятка не передумал... Посылает он меня к жеребятam, а я, понимаешь, упираюсь: мол, людям праздник, а нас, как проклятых, пихают в тайгу комарам на съедение. Упираюсь, а про себя разумею: хоть бы не передумал! Ну, как Петра пошлёт!.. А праздник ещё неизвестно чей будет веселее, — подмигнул Семён и похлопал по притороченной к седлу сумке, где лежала у него наготовленная матерью снедь и бутылка крепчайшего самогонapервача, самовольно взятая из чулана,

Но праздник праздником, а забота сама по себе. Предстояло сперва найти табун. Хорошо, если повезёт, а то будешь плутать неизвестно сколько: тайга-то немаленькая!

Проехав версты четыре понад рекой, Семён скомандовал:

— Айда, ребята, в лес. Рассыпайся! Кучей ездить — только коней зря томить. В случае кто заблудится — выбираться к Тавде по солнцу, к Маланьиной балке. Понятно? Ты, Яшка, знаешь ли Маланьину балку?

— Знаю...

Свернули с дороги, пустили коней в разные стороны.

Яшка вскоре набрёл на лесной ручей. Кушевка потянулась к воде, напилась, потом глубоко вздохнула и, повернув голову, глянула на седока умным глазом: куда, мол, путь держать?

Подумал Яшка, подумал да и направил кобылу вдоль ручья: ведь нужен же табуну водопой, может, он пьёт как раз из этого ручья.

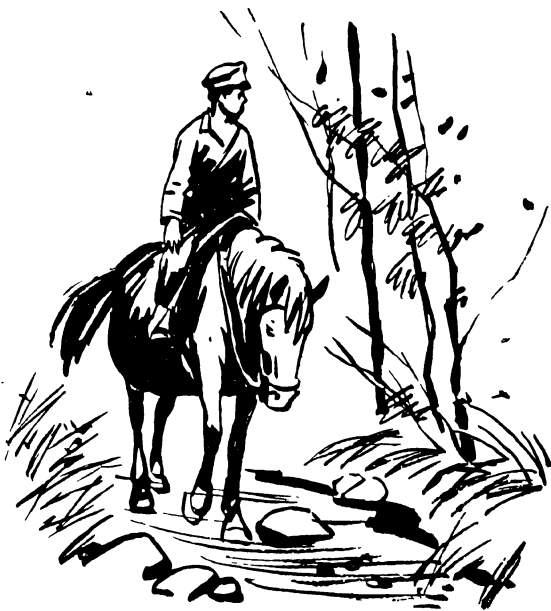
Бросив на лукú поводья, Яшка всецело доверился старой Кушевке, а сам неспешно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, любуясь лесом, слушая шелест ручья, наслаждаясь тишиной и тенистой прохладой.

За год с неболь-

шим, что он прожил в Гусаках, Яшке нечасто случалось бывать в тайге. Всё больше на мельнице, среди людей. А ведь хотелось. Лес, он манит. Особенно в летнюю пору.

Но толком познакомиться с сибирским лесом так и не пришлось. Когда же было? Ведь работник у хозяина не затем, чтобы по лесу разгуливать. Не довелось Яшке походить за ягодами, грибами, за орехами. Да теперь уж и не доведётся. Он в Сибири не жилец. Пройдёт какой-нибудь месяц и — ту-ту — в Россию! Так и договорились с хозяином — к Петрову дню полный расчёт.

Яшка всё чаще подумывал про Москву. Скоро он снова увидит Клаву и Зину. Какая-то она теперь, Клава? Ведь давно не видались. Зовёт жить в Москве. Квартира, мол, большая, места хватит. Так-то оно так, но Яшка не собирается жить у Клавы нахлебником.

Ему надо найти себе работу. А какую работу? Москва ведь не Гусаки, там нет, поди, ни одной такой мельницы, как здесь. Может быть, он устроится газеты продавать? А, может, дворником? Всё равно! Яшка работы не боится.

Потом он разузнает, как найти товарища Ленина, и пойдёт к нему. Так, мол, и так, дорогой Владимир Ильич, пулемётчик Фёдор Дроздов по незнанию отдал мне вот этот полушубок, а я по незнанию взял. Узнаёте? Это же ваш! Вот и письмо от Серафима Лыкова. Прочитайте! А дяди Фёдора, пулемётчика, нету в живых. В трудную минуту он прикрыл эскадрон... Там и остался в снегу навеки... Я, когда про это узнал, плакал, как распоследняя девчонка... Полушубок, правда, не в том виде, как мне его Дроздов дал. Я им и в госпитале накрывался, и в дороге... до самой Сибири... Мал я тогда был, товарищ Ленин, ну и, понятно, глуп: не так бы надо беречь ваш полушубок... Может, они и ещё о чём поговорят с Лениным. Например, про кавалерию, про музыку Бетховена и Чайковского, которую довелося Яшке послушать в Тюмени, или про то, как он выучил ходить и говорить хозяйского сына Назарку...

Сколько он проехал, занятый своими мыслями, Яшка не знал. Но вот Кушевка поставила уши, принялась, заозиралась и, прибавив шагу, вдруг заржала.

«Чего это она? — не понял

Яшка. — Уж не зверя ли учуяла?»

Вскоре откуда-то издалека донеслось ответное ржанье. Яшка повеселел: значит, кто-то из парней едет поблизости!

— Эге-ге-гей! — закричал он. — Кто тут есть живой!

Ему ответило гулкое эхо.

Кушевка тем временем быстро шла вперёд, ныряя под нависшие еловые лапы. Яшка едва успевал пригнать голову.

Наконец лесная тень поредела, сквозь чащу зазеленела поляна, а когда Яшка выехал на неё, то увидел... табун. Жеребята мирно пощипывали траву, обмахиваясь отросшими хвостами. Лишь один жеребец поднял голову, сделал несколько осторожных пружинистых шагов и остановился, рослый, горбоносый, с виду сердитый и нервный. Поставив уши, он как будто изучал Яшку, соображая, какую подать команду табуну.

Яшка придержал кобылу, боясь спугнуть жеребят своим неожиданным появлением. Прикрывшись ладонью от солнца, он долго разглядывал вожака и любовался им. Широкогрудый, тонкий в животе жеребец весь горел в солнечных лучах, словно он отлит из чистого золота и ещё не остыл, ещё горячий.

— Леший! — вдруг окликнул Яшка, узнав. — Вон ты какой вымахал!

Вожак переступил ногами, сердито фыркнул.

Жеребята подняли головы, недоумевая. И тут Яшка тро-

нул кобылу, подъехал вплотную к табуну. Кушевка начала обнюхивать потянувшиеся к ней жеребячьи морды.

Яшка спешился, расседлал кобылу, отпустил. А сам стал обдумывать, как бы ему известить парней, что табун нашёлся. Эх, нет ружья!.. Сложив ладони в трубку, он набрал воздуха и закричал, что было сил:

— Сю-да-а! На-шё-оо-ол!

И вдруг услышал спокойный, насмешливый голос:

— Ух, паря, здоров же ты голосить! Всю тайгу распугал. Пуп-то не развязался от натуги?

С этими словами показался из-за куста Семён Аникеев. Он вёл в поводу своего гнедого и озорно скалил зубы.

— Ты? — обрадовался Яшка. — Как же ты нашёл?

— Я-то обыкновенно: по следам, по свежему помёту, а вот ты как?

— А я никак, — простодушно ответил Яшка. — Ехал, ехал и наехал. Кобыла привезла.

— То-то — кобыла! — подмигнул Семён. — Эта животная только что не говорит, а по разуму не уступит ни одной бабе во всех Гусаках. Ей-богу! Я б на месте твоего хозяина пропёр в три шеи эту мохластую Степаниду, а на её место определил Кушевку...

— Гы-гы-гы! — расхохотался Яшка. Он представил, как кобыла несёт в копытах дымящийся чугунок и ставит перед Егором Лукичом. — Ты и

скажешь, Семён... Кобылу вместо Степаниды...

Семён отцепил с седла двустволку, отошёл за куст и дал дуплетом два выстрела. Перезарядил — и ещё два дуплетом!

Жеребята качнулись и присели. Леший вздыбился от испуга, сделал «свечу» и хотел было дать стрелача, но,глянув на Кушевку, решил не ронять своего достоинства: кобыла преспокойно щипала траву.

По сигналу Семёна начали стягиваться к поляне всадники. Они въезжали в косяк на конях и, разыскивая своих жеребят, щедро раздавали тычки и шлепки чужим.

Володька Кучеров в отместку Яшке вытянул плетью подвернувшегося Колобка. Тот подкинул задок, лягнул воздух, потом повернулся передом и, оскалившись, кинулся на обидчика, норовя ухватить за ногу. Пришлось Володьке под общий смех постыдно задира́ть ноги.

— У, вражина! — выругался он. — Клыкастый, что твоя тигра!

Расседлав коней, парни улеглись под кустом в тенёчке, свернули козьи ножки.

— Вот повезло! — повел речь Семён Аникеев, прикуривая. — Жеребят, считай, сразу же проведали. Что ж, выходит, теперь к дому повёртывать? — Он помолчал, потом сложил кукиш и, выставив его неизвестно кому, продолжал: — А этого не хотите?

Дураков нашли! Мы тут дня два попируем, отоспимся всласть, а хрычам своим скажем, что, мол, всю тайгу ископытили, пока искали табун. Верно я говорю, хлопцы?

— Верно!

— Правильно!

— Дураков нет...

— А если верно, то надо загоня и место выбрать, чтоб ветерок и вообще... Тут к вечеру от комаров не отошьёшься.

Решили гнать табун поближе к Тавде. Там не так глухо и места повыше, поветреннее. Да и к дому поближе.

Пока поспорили, пока оседлали, поляна оказалась в тени. Подняли парни глаза и досадливо поёжились: с востока быстро напозала тяжёлая чёрная туча. Наверху, как видно, дул ветер, а здесь, в тайге, было душно, как в бане.

— Как бы не занести! — тревожно повёл плечом рыжий, веснушчатый Артём Головатый, по прозвищу Таймень.

— Не должно, — возразил Семён. — В эту пору какое же ненастье? Разве что дождичек прольётся. Так мы же не сахарные, пересидим под ёлкой.

Семён остановил табун на широкой поляне верстах в трёх от Тавды. Туча теперь закрывала уже всё небо. Угрожающе гудел гром, одна за другой простреливали тучу огненные стрелы молний. А тайга стихла, как вымерла: ни зверя не слышать, ни птицы, ни один лист не дрогнет.

— Торопись, рассёдлывай,

пока сухие! — скомандовал Семён. — Сейчас полёт...

Расседлали коней, затащили сёдла под низко нависшие лапы тесно сросшихся елей-великанов. На многолетней толще опавших хвоинок лежать было мягко, как на песке. Остро пахло смолой, возле уха тоненько позванивали редкие, вялые от духоты комары.

— Благодать! — прижмурил глаза Семён. — Я б тут век вековал, в тайге. И домой бы, кажется, не вертался...

— А что б ты ел? — возразил Володька Кучеров.

— Хо! Нашёл об чём говорить... А что медведь ест? Или, к примеру, белка? В тайге прокормиться — сущий пустяк. Тут и ягоды, и грибы, и мёд, и орехов сколько душа пожелает. Если хочешь знать, мне лесные порядки куда больше наших деревенских нравятся. Тут, брат, без обмана — каждый себе пропитание горбом достаёт. Возьми сохатого, того же медведя или хоть вот этого муравья. У них один закон: потруился — сыт, поленился — пеняй на себя...

— А у волка? — вставил Яшка.

— У волка? — задумался Семён. — Да-а... Тут ты меня поддел. У волка, браток, и закон волчий. Он, проклятый, метит на готовенькое... как, к примеру, твой хозяин Егор.

Парни усмехнулись. Усмехнулся и Яшка, но промолчал. Такие речи он уже не раз слышал и от мельника Порфирия и от завозчиков. Но сам никогда о хозяине худо не отзы-

вался: всё-таки Егор Лукич выручил Яшку в трудную минуту жизни.

Дождя всё ещё не было, но гром приблизился и непрерывно раскатывался над тайгой. Молнии поминутно перечёркивали чёрное небо, ломались и с грохотом сваливались за горизонт. Кони и жеребята перестали щипать траву, стояли насторожённые, словно чего-то ждали.

И вдруг нестерпимо яркая вспышка обожгла глаза. Качнуло воздух. Сухой, оглушительный треск разорвал уши и покатился по лесу, повторяемый эхом.

Кони прыгнули в сторону, завертелись вьюнами, оглушённые, перепуганные. Вздрыгнула даже старая Кушевка. В страхе шагнула она к людям, ища защиты. Но те и сами ещё не опомнились. Под ногами дымилась сигарка, оброненная Семёном, побелевший Володька Кучеров, зажмурившись, крестился, а Яшка прочищал пальцами заложенные уши.

— Живы? — хрипло спросил Семён.

— Живы, — отозвался Яшка. — Только в ушах звон...

— Пройдёт...

Но звон не проходил. Скоро его услышали все.

— Набат! — крикнул Таймень. — Не иначе, Гусаки горят...

Повернувшись, он облапил ствол ели и быстро полез вверх, обдирая руки, оставляя на обломках сучков клочья своей розовой праздничной рубахи.

— Скорей, не копайся! —

торопили снизу. — Говори, что видишь?

Таймень долго молчал, приглядываясь. Потом крикнул сверху:

— Не видать ни черта! Липы заслоняют... Только это в стороне от Гусаков... Должно, Егорова мельница. Ну, да! Больше там нечему. Огня не видать, зато дыму!..

Яшка схватил уздечку, кинулся к лошадям.

— Стой! Куда ты?

Но он не слушал. Вскочил на неосёдланную Кушевку, хлестнул её наотмашь ремённым поводом.

Кобыла с места пошла галопом.

— Верни-ись! — неслоь вслед. — Кобылу-у загубишь!

Яшке не до кобылы. Горела мельница, а в ней запертый на замок висел в камерке на гвозде полушубок.

За каких-нибудь десять минут рыжая Кушевка сделалась вороной от пота. Роняя пену, она шла из последних сил.

Вот и Тавда! Широкая, быстрая. Утром она была светло-голубой, манила к себе прохладой и свежестью. А сейчас, в грозу, текла чёрная, как дёготь...

Пока скакал, Яшка ещё не знал, на что он решится. Но, выскочив на берег, мгновенно сообразил: до переправы не хватит Кушевкиных сил! А если и хватит, он застанет на мельнице одни головешки.

И Яшка направил кобылу к воде.

— Кушевка, милая, переплыви! — взмолился он, сгорая от стыда.

У самой воды кобыла оставилась, тяжело переводя дыхание. Она поняла, на что решился этот сумасшедший ездок, и чуть помедлила, надеясь, что он одумается. Животным инстинктом кобыла знала, что нельзя ей, жерёбой, в конец измученной и горячей, окунаться в ледяную воду. Но всю жизнь она делала то, что велели люди. Сделает и на этот раз, как велят...

Кушевка вздохнула и пошла в воду. По колено. По брюхо... Вот и нет дна. Течение подхватило кобылу, начало сносить. Быстро-быстро она загребает ногами, плывёт. Одна

голова торчит. Вернее, не голова, а лишь уши, глаза и ноздри.

Яшку обожгло холодом.

— Чёртова Сибирь! — выругался он. — Чтобы летом такая вода...

Дрожа всем телом, Яшка оглянулся, потом быстро посмотрел вперёд. Ай, да Кушевка! Она уже почти на середине!

— Золото моё! — с нежностью похвалил Яшка. — Не выдай, родная...

Но Кушевкины силы иссякли. Она начала оседать, зачерпывать воду ноздрями и фыркать. Фыкнула раз, другой...

— Кушевочка! — завопил Яшка. — Теперь уж недолго... Смотри, вон же берег!

Он скатился с кобылы и, загребая правой рукой, левой стал поднимать Кушевкину морду.

Это помогло. Освободившись от седока, кобыла сразу всплыла. Продолжая неистово работать ногами, она с благодарностью посмотрела на Яшку.

В небе бесновался гром, клубились молнии, отражаясь в чёрной воде. Но Яшка ничего не замечал, он даже не ощущал больше холода. Держась за Кушевкину морду, загребая онемевшей рукой, он чувствовал, что кобыла снова теряет силы, что и сам он уже не столько помогает, сколько виснет на уздечке. Неужели не выплывет? Клава и Зина будут ждать в Москве... а он... в

Сибири... в холодной Тавде...

Кобыла наконец нащупала копытом дно и быстро понесла к берегу впившегося в уздечку Яшку. Он сперва волочился по воде, потом пересилил себя, встал на ноги. Кружилась голова, трясло, мучила икота.

Держась за повод, Яшка кое-как доплёлся до берега. А из-за куста к нему навстречу дед Никанор:

— Есть на тебе крест или

нету? Ты ж кобылу загубил, поганец!

Деду Никанору было без малого сто лет. Сухой, как мощи, глухой, как полено, он в летнюю пору всё ещё рыбачил. Вот и сейчас, в праздничный день, Никанор сидел под кустом, ловил на живца щук и даже не подозревал из-за своей глухоты, что в селе пожар.

— Дед-душка! — кивнул на Кушевку трясущийся Яшка. — Её обтереть бы...

— Ась?

Яшка вспомнил про дедову

глухоту и махнул рукой. «Сам догадается!» — подумал он и, цепляясь за кусты, полез на кручу берега.

Пока добежал, Яшка задохся. Сердце заполнило всю грудь, готовое выскочить вон.

Несколько мужиков суетилось в панике на мосту. Пьяный Егор Лукич без картуза, в разорванной на груди белой рубашке, бился в руках брата, хрипя, сиюсь вырваться:

— Пусти, Макар, сволочь! Убью-у!..

— Держи, не пускай, сгорит! — голосила Степанида. — Господи, что ж это дееся? Господи!..

Мимо них кинулся Яшка. Коленом распахнул горящую дверь — и уже внутри! На мокрой его рубашке зашипели искры, но не зажгли. Жмурясь, от дыма, почти не дыша, он добежал до каморки, отпер тяжёлый замок, схватил с гвоздя полушубок, из-под подушки — бумажник, мельничную книгу — и назад.

Но обратной дороги не было: в проёме распахнутой двери гудело пламя. В сплошном дыму отыскал Яшка ступени, ринулся вниз... И вдруг споткнулся, полетел...

Под ним оказалось что-то мягкое, словно живое. Человек!.. Яшка открыл глаза. И хоть тут, внизу, было не так дымно, зато темно. Он не столько разглядел, сколько догадался наощупь: Порфирий!

— Горим! — крикнул Яшка. — Одурел ты...

Мельник продолжал храпеть.

«Пьяный, скотина! Сгорит же...» — холодея от ужаса, подумал Яшка. Рванув ворот, он сунул за пазуху бумажник и мельничную книгу, надел полушубок в рукава.

Как он тащил за ноги Порфирия к воротам, как откинул крюк, Яшка уже не помнил. В его сознании засел лишь первый глоток чистого воздуха да ещё склонившаяся над ним седая женщина с закоптелой иконой в руках.

Что-то холодное стегануло Яшку по губам. Он облизал рот, недоумевая, откуда взялась вода. Потом ещё, ещё. Уже не по губам, а начало хлестать по лицу. Яшка открыл глаза. Орали, суетились мужики, в отдалении скорбно крестились бабы, ревел набат.

«Пожар!» — вспомнил Яшка и сел. Рядом, на траве, лежал Порфирий.

А дождь наддал. Хлынуло, будто разверзлось небо. Наконец-то!

— Слава тебе! — загремел чей-то бас. — Теперь враз зальёт... А то ведь, язви его, не подступиться... Ни с багром, ни с топором.

Яшка хотел встать, но не держали ноги. Он подполз к Порфирию, прикрыл его полкой полушубка и ткнулся ничком в мокрую, холодную траву. Ленин не рассердится за подпалённый, намокший полушубок... Товарищ Ленин поймёт, что Яшка не мог поступить иначе!

(С К А З К А)

Я ШЕЛ по вершине скалы. Свистел ветер, он гнал с озера высокие холодные волны. Волны с грохотом разбивались о скалы, взметая в воздух пену и брызги. На гладкой поверхности скалы не было ни деревьев, ни травы, даже мох и тот предпочитал более укромные уголки. Когда-то здесь хотели поселиться сосенки, но северный ветер иссушил их. Теперь они торчали, как палки, растопырив сухие, жилистые сучья.

И вдруг я остановился, пораженный: с чёрной каменной плиты на меня смотрел цветок Шиповника.

— Ты как сюда попал? — спросил я у цветка, разглядывая его щуплый розовый венчик. — Тебя же унесёт ветер!

— Не унесёт. Меня держит скала!

— Зачем ты нужен скале?

— Ей не хватает нежности.

— Нежности? Что это ты выдумал?

— Так сказал Дуб. Тебе не понять его мудрую речь.

— Какой Дуб? — недоумевал я,

И тогда цветок Шиповника рассказал мне удивительную историю.

ЭТО БЫЛО очень давно. В то время все цветы росли в степи. Да-да! И ромашки, и колокольчики, и кувшинки, и все остальные цветы жили бок о бок. Владел цветами Дуб. Царь степей был высок и могуч, вершина его касалась облаков. Он зорко следил, чтобы никто не проник в его владения. Цветы жили мирно и дружно. Но однажды всё изменилось. Это случилось после того, как заносчивый и не слишком умный Чертополох сказал:

«Я красивее всех!»

Такой неслыханной дерзости никто не ожидал. Цветы возмутились.

«Я красивее всех!» — надула губы Роза.

«Нет, мы!» — зашумели Незабудки.

«Нет, мы! Нет, мы!» — раздалось со всех сторон.

Между цветами началась вражда. Чертополох и Роза вооружились колючками и не упускали случая уколоть друг друга. А остальные цветы изо всех сил тянулись кверху, чтобы видно было только их. Каждый цветок старался захватить как можно больше солнечных лучей. Туго пришлось цветам маленького роста. Они чахли, так как не могли пробиться к солнцу.

Задумался Дуб: «Что мне

делать с цветами? Они погубят друг друга!»

Он думал четыреста лет и наконец придумал.

«Цветы! — сказал Дуб. — Мне одному не разрешить ваш спор. Все вы для меня одинаково красивы! Пусть придут сюда те, кто любит цветы, и пусть скажут, кто из вас краше. Тогда каждый цветок перейдёт к тому, кому пришёлся по душе».

Дуб качнул ветвями. Поднялся ветер. Ветер разнёс эту весть по всему свету.

Прошёл месяц. Цветы с волнением ждали гостей. Они даже ссориться перестали, так были заняты собой. Каждый прихорашивался, — к роднику и зеркальной лужице невозможно было пробиться.

Первой примчалась весна.

«Мне, пожалуйста, самые весёлые цветы», — затараторила она, заглядывая в лужу и пересчитывая свои веснушки.

Весне приглянулись подснежники и одуванчики. Ты же знаешь, что одуванчики весной жёлтые и на свежей зелёной траве они будто огоньки на празднике.

А потом прибежали девушки и унесли с собой ромашки. Девушки спрятались за пригорок и стали обрывать у цветов лепестки. Они приговаривали:

«Любит, не любит...»

— Любопытно, — прервал я рассказ Шиповника, — А что ты знаешь о колокольчиках?

— Колокольчики унесли птицы.

— Зачем птицам колокольчики?

— Чтобы будить их по утрам, когда нужно начинать концерт.

— Не слышал, чтобы лесные колокольчики звенели!

— И не услышишь, — ответил цветок Шиповника. — Ты не понимаешь голоса леса. Тебе неизвестно, о чём журчит ручей, о чём шепчут деревья, о чём поют птицы. Лес раскрывает свои тайны только тем, кто любит его. Полюби лес, и тебе станут понятны его голоса. Тогда и услышишь ты на заре тоненький звон лесных колокольчиков: «Дзинь, дзинь...»

Помолчав немного, цветок Шиповника сказал:

— Хочешь, я расскажу тебе о Маке?

— Расскажи!

— На самом краю степи возвышался курган. Под курганом был похоронен воин. Он погиб в бою с врагами, которые хотели завоевать степь.

Дуб сказал Маку:

«Ты имеешь такой же цвет, как кровь воина, погибшего за нашу степь. Ступай на курган. Перекати-поле доставит тебя. Расти на кургане. Пусть каждый, кто пройдёт мимо, вспомнит о воине, пролившем кровь в бою. И, возвысив голос, так чтобы его слышали и люди, и степь, и леса, Дуб торжественно произнёс: «Мак — цветок памяти! Обращайтесь с ним бережно! Это очень нежный цветок. Если его сорвать, лепестки сразу опадут и останется одна лишь чёрная сердцевина».

Цветок Шиповника умолк. Он смотрел на мчащиеся по небу тучи. Скоро они полетят над степью, скоро они прольются дождём и напоят Дуб и курган, на котором растёт цветок памяти — красный Мак.

— А что случилось с Розой и Чертополохом? — прервал я наконец молчание.

— Роза поселилась в саду. Она белоручка, ей требуется уход. А от Чертополоха все отказались:

«Не нужен нам сварливый склочник! Он и у нас затеет ссору!»

Однажды Чертополох сорвало ветром и понесло по дороге. Но дорога сбросила его на обочину. Там он и стоит до сих пор. Дорога обдаёт его пылью, и каждый прохожий старается ударить палкой или кнутом.

Долго ещё говорил цветок Шиповника. Я уже позабыл историю остальных цветов. Но

я хорошо запомнил то, что он рассказал о себе:

— Меня никто не заметил, потому что я карликовый Шиповник. Я рос среди камней, и никто не ходил по камням, чтобы не сбить ноги. Мои рослые родственники давно перебрались в лес, а я всё ещё сидел на месте. Но Дуб-то помнил обо мне!

«Вот что, братец, — сказал он однажды. — Ступай-ка на скалы. Они разрушаются. Им не хватает нежности».

Не всякий понимает мудрую речь Дуба. Но раз Дуб велит, значит, так и надо делать. Я спросил только:

«Как же мне добраться до скал? Я не умею ходить, а скалы так далеко, что к ним даже птица не долетит».

«Это уж предоставь мне, — сказал Дуб. — Собирайся в путь!»

Дуб качнул ветвями. Поднялся ветерок. Дуб качнулся сильнее... Ветерок стал ветром, по небу поползли чёрные тучи. Пошёл дождь, он превратился в ливень, какого я не видел никогда в жизни. Три дня и три ночи с неба хлестала вода. Мутные потоки катились по степи, бурлили и пенились. Я вместе с шапкой мха, росшего у моих корней, очутился на спине потока. Поток влился в ручей, ручей — в реку. Не знаю, сколько дней я плыл, но вот впереди показалась необозримая водная равнина, перепаханная чёрными волнами. На каждой волне пенились белые гребни. Это было озеро. Река вынесла ме-

ня и мох на одну из прибрежных скал, а сама ринулась в волны озера и исчезла.

Я остался один на голом камне. Мох забился в укромный уголок. Я остался совсем один. Внизу, у подножия скал, грохотали волны, меня окатывало пеной и брызгами. Было холодно и страшно. Я подумал: «Ошибся, наверное, мудрый Дуб. Чем я, маленький слабый цветок, смогу помочь скалам? Первый же порыв ветра сбросит меня в озеро». Я был тогда совсем глупым! И ты можешь себе представить, как удивился я, когда скала произнесла:

«Мы давно тебя поджигаем. Как хорошо, что ты пришёл. Опusti корни в расщелину, я буду держать их, и тебя не унесёт ветер».

А скалы, действительно, разрушались. Изо дня в день, из ночи в ночь на них обрушивались волны и ветер. Каменные исполины были разделены ущельями и глубокими трещинами, kloкочущая вода подбиралась к самым уязвимым местам. Каждая волна и каждый порыв ветра уносили в озеро частицу камня. Случалось, огромные глыбы откалывались и исчезали в пучине.

Прошло несколько дней. Однажды вечером, когда я уже пообвык немного и расправил помятые в дороге лепестки, вдруг раздался грохот и треск ломающегося камня. В воздух взметнулись фонтаны осколков, соседние скалы сдвинулись со своих мест. Меня встряхнуло, да так, что еле

удержался на корнях. Это продолжалось несколько мгновений. Придя в себя, я увидел, что всё вокруг стало неузнаваемым. Ущелья и трещины исчезли, соседние скалы слились с моей скалой и окружили нас плотной грядой. Я слышал произнесённые шёпотом слова:

«Как хорошо, что ты пришёл!»

Скалы смотрели на меня. Они никогда не видели цветов, тем более красивых цветов! Они не обращали внимания ни на ветер, ни на волны и всё смотрели и смотрели на меня. Я был счастлив. Я чувствовал себя дома. Мне хотелось сделать что-нибудь хорошее этим угрюмым, не знающим покоя и радости гигантам.

Случилось невероятное, непостижимое: никогда не прекращавшийся ветер вдруг утих, волны улеглись, а солнце разрисовало небо в праздничные алые и золотые цвета.

Утром волны поднялись сно-

ва. Но скалы теперь смеялись над ними:

«Посмотрим, кто кого!»

К скалам вернулась сила. Ни ущелья, ни трещины теперь не разделяли их. Волны встретили непрístupную грозную стену. Ни одна частица камня не уносилась теперь в озеро.

А вечером я вновь услышал знакомый шёпот:

«Как хорошо, что ты наш друг!»

И опять ветер утих, волны улеглись, а солнце разрисовало небо в праздничные алые и золотые цвета.

Так и повелось с тех пор. Лишь только день подойдёт к концу, замирает озеро и ярко вспыхивает небо. Знай, в это время скалы тихо-тихо и нежно-нежно разговаривают со мной.

Я не поверил рассказу:

— Разве может вернуться к скалам сила из-за того только, что они любят тебя, маленький цветок?

И вот что ответил мне цветок Шиповника:

— Солнце тоже маленькое, но когда оно холодное, всё сковывают льды: и озеро, и

лес, и землю. Когда же солнце прогреет, всему возвращается жизнь и сила, даже лёд становится весёлым ручьём. Поразмысли об этом на досуге!

Я невольно посмотрел на солнце. Оно стало красным и коснулось воды. Шум прибоя утих, над дальним лесом поднялись сумерки.

Рисунки Г. МОИСЕЕВОЙ.

Свидетели истории

В истории человечества было много войн. Гибли города, государства, народы. Гибли произведения искусства, забывалась письменность, исчезали цивилизации.

Иногда историкам везло: они находили древние документы, по которым можно было представить, как выглядел тот или иной памятник древней культуры, разрушенный в далёкие времена. Чаше историкам не везло. И тогда на помощь приходили монеты — золотые и серебряные, медные и бронзовые. Они рассказывали о прошлом:

о замечательных памятниках архитектуры, которые теперь лежали в развалинах;

о животных, растениях и птицах, которые водились в древнем государстве, выпустившем монету;

о войнах и спортивных состязаниях;

о предметах древнего быта и даже о моде, какие причёски носили цари и как одевались царицы.

А ещё монеты сохранили для историков портреты Горация и Гиппократа, Сапфо и Геродота, Александра Македонского и Юлия Цезаря и многих, многих других полководцев, поэтов, царей и философов.

Вполне достоверные портреты.

Но кто были те люди, которые подарили нам столько интереснейших сведений о прошлых веках?

Очень скупо рассказывали они о себе.

ИМЯ МАСТЕРА

Возьми любую старинную монету и внимательно посмотри на неё. У края диска ты заметишь странный маленький рисунок: это может быть контур рыбы или безымянный цветок, шестиконечный крест или обыкновенный треугольник, кувшин с плавно изогнутой ручкой или скрещённые секиры, круг или причудливое переплетение линий.

Что это?

Знаки древних монетчиков, тех, кто создавал монеты: гравировал, чеканил их.

«Но знаки — это ещё не имена!» — скажешь ты.

Правильно, но большего о древних монетчиках мы не знаем: ставить имя мастера не было принято. Прошло много времени, прежде чем эта историческая несправедливость была устранена: на монетах появились имена великодушных мастеров древнего искусства.

«Денга псковская Заманина» — стоит надпись на монете пятнадцатого века.

С уважением посмотри на неё!

ЧТО МОНЕТЫ РАССКАЖУТ ТЕБЕ?

На этот вопрос даже трудно сразу ответить: столько самых разных знаний приобретает человек, коллекционирующий монеты.

Он узнает историю той страны, чьи монеты собирает. И не только историю. Если собираешь, например, русские монеты, то познакомишься со славянским языком и узнаешь древнерусские цифры (они применялись на монетах до 1721 года).

Кроме того, ты узнаешь много интересного о древней русской культуре.

И наконец, может оказаться вдруг, что ты найдёшь такую монету, которая изменит представления учёных о каком-нибудь государстве на территории Руси. А если и не изменит, то очень может оказаться, что найденная тобой монета до сих пор была известна только по летописным описаниям... Обнаружить такую монету — разве не интересно? Ведь нашли же ребята из Брянской области тринадцать древнейших русских монет — серебряников — начала одиннадцатого века! Драгоценнейшая для науки находка!

МОНЕТЫ ОБВИНЯЮТ

Монеты могут не только рассказывать, но и обвинять. Каждая из них — веха истории. Те, кто ставил вехи, думали прославить себя и своё время. Но история рассудила иначе: вехи, которые должны были славить, обвиняют.

Великий чешский патриот Ян Гус боролся за свободу от засилья иностранцев, против власти церкви.

В 1415 году Ян Гус как еретик был сожжен инквизиторами на ко-

стре. Торжествуя победу, Ватикан приказал отчеканить в память знаменательного события специальную монету, которая рассказала бы потомкам об участии человека, поднявшего руку против церкви: на монете был изображён Ян Гус, привязанный к столбу над пламенем костра.

В ночь на 24 августа 1572 года католики Франции по наущению папы римского перерезали более двух тысяч своих религиозных противников — гугенотов (в историю эта резня вошла под названием Варфоломеевской ночи). Ватикан отметил и это радостное для себя событие: выпустил памятную монету, на одной стороне которой был изображён вдохновитель резни папа Григорий XIII, на другой — ангел с мечом и крестом над грудой поверженных тел.

Для чего нужно было Ватикану выпускать такие монеты? Для того, чтобы каждый, кто возьмёт её в руки, помнил, на что способна «святая» церковь, если кто-то встал на её пути. Прошли годы, и монеты, которые должны были славить церковь, стали её позором — обвинителями в мракобесии и изуверстве.

«БУМАЖНЫЙ ЗОЛОТОЙ»

Но есть другие монеты, которые посвящены делам благородным и событиям более радостным. Их, к счастью, большинство.

Вот, например, монета, выпущенная в Финляндии в 1952 году. Пять переплетённых колец говорят о дружбе спортсменов пяти континентов. Монета посвящена XV Олимпийским играм.

В Австрии в 1931 году была выпущена монета в честь 175-летия со дня рождения Мо-

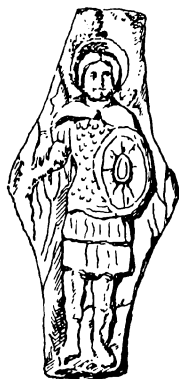
царта — великого австрийского композитора.

Пять лет назад аргентинский народ отметил 150-летие своей независимости. В честь этого знаменательного события также была отчеканена памятная монета.

И, наконец, наша монета этого года. Вы её видели, держали в руках, а многие отвели ей почётное место в своих коллекциях. Это памятная монета, посвящённая двадцатилетию победы советского народа над германским фашизмом.

А вот в коллекции Эрмитажа есть совершенно особая монета, которая носит название «бумажный золотой». Почему «бумажный» и почему «золотой»? А потому, что сделана монета из прессованного позолоченного картона и полностью повторяет тип пятирублёвой золотой монеты Николая II. Выпущена она в Латвии, тайно, в 1905 году. В магазине на неё нельзя было, конечно, ничего купить, хождения она не имела; но люди, которые обладали такой монетой, очень гордились ею. «Бумажный золотой» служил своего рода почётной грамотой для тех, кто помогал деньгами латышской революционной организации в борьбе против царизма. Ею награждали латышские революционеры своих друзей и помощников.

МОНЕТЫ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

Всякий начинающий коллекционер мечтает заполучить редкую монету. Чем больше он узнаёт о монетах, тем длиннее становится список редкостей: лидийский статер, или монета римского императора Квинтилла, который царствовал всего семнадцать дней; рубль русского императора Ивана Антоновича, который стал царём в трёхмесячном возрасте и на втором году жизни был

низложен; «бородой знак» времён Петра I или екатерининский «сестро-рецкий рубль» (он, кстати, весил ровно один килограмм); рублевик Константина (Константин должен был занять русский престол после смерти Александра I, но престол занял Николай I, и рубль Константина, отчеканенный в нескольких экземплярах, стал музейной редкостью). Да мало ли ещё всяких знаменитых монет!

Разве рубли Пугачёва хуже?

Разве монеты царевны Софьи менее редкие?

Разве монеты князя Владислава стали попадаться чаще?

Разве полтинники и рубли Николая I с чётким клеймом «Низложение дома Романовых. Март 1917» не относятся к замечательным?

Или демидовские поддельные рублёвки времён Анны Иоанновны? О них даже в исторических романах говорится!

Должен огорчить: этих монет никогда в действительности не было. И рубли Пугачёва, и монеты Софьи, и полтинники с клеймом, и демидовские рублёвки выдумали и изготовили люди в расчёте на не слишком умудрённых собирателей. И таких поддельных, фальшивых денег можно насчитать тысячи!

Так что, к любой увиденной вами редкости надо относиться осторожно.

ЧТО ЖЕ СОБИРАТЬ?

Начинающему нумизмату, прежде всего, надо определить твёрдо: монеты какой страны и какого периода он собирается коллекционировать. Собрать всё — на это не хватит ни средств, ни жизни, да это и не так интересно.

Самое простое (впрочем, теперь

это уже не так просто) — собирать все советские монеты, начиная с двадцать первого года, когда были выпущены первые, и кончая пятьдесят седьмым годом, когда на смену старым появился новый тип монет.

Если кому-нибудь покажется слишком легким делом — собирать старые советские монеты, могу сразу разочаровать. Пусть попытаются в ближайший год найти монеты, скажем, такого достоинства: 10, 15, 20 копеек выпуска 1931 года в двух вариантах — серебряные и никелевые; 20 копеек 1934 года; 50 копеек 1926 года (с буквами «ФР» на гурте); 10, 15, 20 копеек 1942 года; полкопейки 1925—1928 годов.

Кто поищет их, поймёт сразу: со-

бирать коллекцию монет, даже близких к нам по времени, — совсем не просто. И, конечно же, не менее увлекательно, чем любую другую.

З. ЛАТНИКОВ

~~~~~

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ

В тыл противника

(НАСТОЛЬНАЯ ИГРА)

ДЛЯ ТОГО чтобы отправиться в поход по тылам противника, нужно иметь только кубик с цифрами от 1 до 6 и две маленькие пуговицы: чёрную и белую. Играть двое. Каждый из них — командир отделения из четырёх бойцов (командир — пятый).

Бросили командиры кубик — у кого цифра больше, тот и пошёл первым. Показет кубик «5» — двигайся на пять треугольников или на пять прямоугольников. Выпадает три — двигайся на три. И так далее.

Но ведь на войне — не на прогулке. Там всякие опасности сторожат. Попало отделение в кружок «минус 10» — сбилось с пути: отступает на 10 делений назад. Вышло к реке и оказалось в кружке «5»: для переправы нужна подготовка, пока 5 очков не наберёшь — ни с места. Набрал, например, 1, потом 2, а потом сразу 3. Шесть получилось. Речку перешёл, да угодил на минное поле — потерял одного бойца. Вот если бы не 3, а 4, 5, 6 в тот раз выпало — было бы всё в порядке. В кружочке «минус 8» обнаружили, что один боец отстал. Пришлось возвращаться на восемь пунктов назад. А впереди ещё снайпер подстерегает: попадёшь на «тёмный» участок — опять бойца потерял. В пунктах «плюс 3» и «плюс 4» не задерживайся — там проволочные заграждения и мост — шагай сразу вперёд ещё на 3 и 4 деления.

Побеждает тот, кто первым придёт в окоп противника и захватит там «языка». Конечно, если командир невредим остался. А то ведь можно не только всех бойцов растерять, но и самому-то не дойти.

ПЁСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

УЛИЦА... С ОТОПЛЕНИЕМ

В Дании на острове Фюне в городе Оденсе создана первая в мире «самоотапливающаяся улица», не знающая ни снежных заносов, ни грязи, ни гололедицы. Длина её пока 150 метров. Под асфальтом размещены специальные трубы, по которым течёт уже использованная вода центральной отопительной системы города. Температура этой воды достигает 40 градусов.

В город Оденсе поступают письма из многих стран с просьбой поделиться опытом в строительстве таких улиц.

*

ТАИНА СТАРОГО ДУБА

В Михайловском саду внимание посетителей привлекает старый, засохший дуб, на котором вырезаны загадочные человеческие фигуры и лица. Каким же образом появилась эта скульптурная композиция?

В 1919 году в Ленинград из Смоленской области приехал двадцатипятилетний Александр Соловьёв. На родине он был пастухом, но увлекался резьбой по дереву. Односельчане и сосветовали ему поехать учиться на скульптора... Прогуливаясь однажды по Михайловскому саду, Александр заметил засох-

ший дуб. Пользуясь лестницей, топором, стамеской и ножом, он вырезал на нём человеческие фигуры. Венчает композицию рабочий, вздымающий молот. В правой руке рабочего — раскрытая книга, символизирующая знание... Однако скульпторы из Академии художеств недооценили эту работу. Самоучка был разочарован. От предложения стать практикантом при Академии он отказался, но увлечение свое не бросил. В один зимний день он вылепил из снега на Марсовом поле колоссальный бюст Карла Маркса, затем —

ЛИСА В... МЕТРО!

Неправда ли странно? Однако так было. Однажды утром в вестибюле метро станции «Горьковская» пассажиры с удивлением наблюдали неожиданное явление. Лиса, самая обыкновенная, живая, стояла между входными дверями. Почуввав опасность, четвероногий пассажир решил подбру-поздорову удалиться. Но куда? Всё закрыто. Однако справа щель — дверь приоткрыта. Лиса направилась туда и попала в подплатформенное помещение. Там она была поймана механиком станции А. Трущенко.

Откуда же она появилась? Оказалось, что лиса ручная. В ранний час она решила тайком проводить хозяина — шестнадцатилетнего школьника... и попала в метро.

*

огромный бюст крестьянина.

Позднее Соловьёв уехал в Москву, где также создал несколько скульптурных композиций из снега. Сейчас Александр Павлович живёт в Московской области. С резьбой по дереву до сих пор не расстаётся.

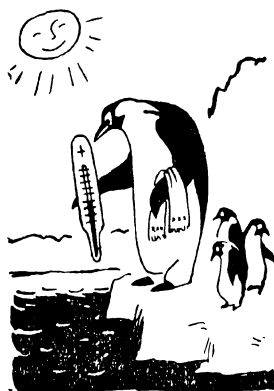
...на Украине в шахте найден скелет крупного ископаемого животного? Учёные установили, что это остатки степного слона, предка мамонта, который жил более 500 тысяч лет назад, в начале ледникового периода. После реставрации находка будет экспонирована в Зоологическом музее.

★

...некоторые виды синтетических волокон пропускают ультрафиолетовые лучи? В платье из такого материала можно загорать не раздеваясь.

★

...на Земле продолжается общее потепление климата, начавшееся в конце XIX века? В Арктике за это время толщина льдов в среднем уменьшилась вдвое, сократилась их площадь. Тундра в полярных областях отступает к северу примерно на 200 метров в год. За последние 70 лет граница распространения айсбергов в южном полушарии отодвинулась к югу больше чем на 1500 километров. Потеплела вода в океане. Каждый год её уровень повышается на 1,2 миллиметра, или на 12 сантиметров за столетие. Объясняется это расширением массы воды от тепла и усилившимся таянием ледников.

Знаешь ли ты, что?

★

...в нашей области есть город Любань, станция Любань и совхоз «Любань»? Откуда же пошло такое название? Оказывается, дальние предки любанцев были известными кустарями по плетёным изделиям. Из коры липы и других деревьев они изготовляли короба, корзины, лапти. От основного занятия поселян — лубяных работ (луб — волокнистая часть коры) и ведётся современное название Любани.

★

...полтора века после своего основания наш город не имел искусственного водоснабжения? Лишь в 1863 году невиская вода пошла по трубам. Насосная станция на Шпалерной (ныне улица Воинова) обслуживала 66 километров водопроводных линий. Город получал только 17 тысяч кубических метров воды в сутки. Сейчас ленинградский водопровод — это три мощные станции, которые подают городу в сутки 1700 тысяч кубических метров воды. Водопроводная сеть составляет 1850 километров. Ежедневно выпивается... озеро окружностью около 4 километров и глубиной почти 2 метра.

★

...если за 353 года до Великого Октября в России было издано книг около 550 тысяч названий, то за годы Советской власти — 1748 тысяч названий? Каждый четвёртый экземпляр книги, выпускаемый ныне во всём мире, — это наша советская книга!

★

...есть памятник... песне? В Силезии (Польша), в Гоголине, местные жители решили увековечить памятник популярную народную песню «Пошла Каролинка в Гоголин». Эта песня стала символом силезской песни, которая была острым оружием в борьбе с гитлеризмом.

★

...концентрация соли в Мёртвом море более чем в семь с половиной раз выше нежели в обычной морской воде? Вода там настолько густая, что в ней можно лежать, сидеть и даже... ходить. В этом море невозможна жизнь. Мёртвы и безжизненны берега этого удивительного водоёма. Ни рыбешки в волнах, ни травинки на берегах, ни птицы в облаках! Действительно мёртвое море!

★

...в округе Франкфурта-на-Одере (ГДР) ушёл на пенсию в возрасте 71 года почтальон Альберт Шумахер, пройдя «служебный путь»... в 150 тысяч километров? За 33 года работы на почте он почти четырьмя разами «обошёл» земной шар.

Из бортового журнала шхуны «Находка»

Отдел ведёт В. Акентьев

23 мая. Записала Валя.

Дверь, которую держал, под прицелом бронзовый стрелок, была в глубине тесной каменной ниши, — немудрено, что мы её сразу не заметили. Это была удивительная дверь — узкая, не шире полуметра, и до нелепости высокая — метра четыре, никак не меньше.

Оглянувшись на бронзового идола, капитан затем смерил взглядом высоту двери и, пробормотав что-то про себя, толкнул плечом...

Мы оказались в полной темноте. Зажгли фонарики.

Здесь не было ничего, кроме огромных каменных колонн. Расположенные как попало, без какой-либо системы или порядка, они были разбросаны по всей площади небольшого ромбического зала. Неширокий проход вёл в другой зал — тоже ромбический и также бестолково заставленный огромными колоннами.

На стене одного из залов мы обнаружили раскрашенные белой, чёрной и красной красками изображения каких-то чудовищ с человеческими лицами. Все были нарисованы так, что казалось, будто они смотрят прямо на тебя, неотступно следят за тобой, провожая глазами... Мы все отлично понимали, в чём тут дело, и всё-таки, если бы я была одна, я, наверное, умерла бы от страха... Все эти лица были расположены по кругу, в центре которого красовалось огромное изображение бронзового идола, сделанное ещё более удивительно — оно было рельефным, но не выпуклым, а вогнутым, углублённым в стену. Капитан объяснил, для чего это сделано:

— Если, не отводя глаз от изображения, отходить куда-нибудь в сторону, то будет казаться, что голова поворачивается вслед за вами.

Это сообщение нас очень заинтересовало, но, к великой нашей досаде, нам не удалось его проверить, — мешали колонны.

Кроме изображений, сделанных в своё время неизвестными строителями храма Стрелка, мы обнаружили на стенах и колоннах множество надписей, оставленных в более позднее время людьми, посетившими таинственное сооружение. Некоторые из них заинтересовали капитана, и он переписал их себе в блокнот.

24 мая. Записал Миша.

Вчера вечером мы собрались в кают-компанию, чтобы подвести итоги сделанному за день.

С коротким сообщением выступил капитан.

— Я думаю, что колонны в ромбических залах были возведены в более позднее время, — сказал он в заключение. — Рисунки на стене сделаны так, чтобы влиять на воображение посетителей храма...

— На психику! — ввернул Костя.

— Да, на психику, — согласился капитан. — Но колонны сводят это воздействие на нет, весь эффект из-за них пропадает.

— А я тоже кое-что заметила, — заявила вдруг Валя. — Только, может быть, это неважно?.. В одном из залов три угла — с колоннами, четвёртый — пустой, а в другом — наоборот...

Совещание на этом закончилось, но Валино открытие повлекло за собой целый ряд других открытий и находок, и несколько дней мы были заняты с утра до ночи.

Оказалось, что колонны в ромбических залах были расположены не как попало, не в беспорядке, как нам вначале показалось, а, напротив, — в основе их расположения лежала строгая геометрическая схема: если колонны одного зала, сохранив их взаимное расположение, «перенести» в другой зал, то все они окажутся выстроенными в семь рядов по семь колонн в каждом ряду.

Но Валя не уgomилась — последовало новое открытие:

— Семью семь — сорок девять, а сорок девять — число нечётное...

В наступившей внезапно тишине прозвучало знаменитое Костино «Ну и что?..»

— А то, что в залах колонн поровну. Выходит — одна из них как бы лишняя...

— Как, как ты сказала? — вскричал капитан. — Лишняя?!

Он поспешно перелистал свой блокнот и прочёл вслух одну из надписей на стенах храма Стрелка: «Кэтль, я больше не могу. Я ухажу и советую тебе сделать то же. Уверен, что старик нас просто морочил, они тут все — лишние, сам чёрт их не разберёт...»

— Понимаете, в чём дело? Выходит, здесь кто-то искал уже *лишнюю колонну!*..

Мы снова принялись за работу. Начертив в одинаковом масштабе планы обоих залов, мы без труда установили, что одна из колонн, в отличие от всех других, была и на том и на другом плане. Но какая же всё-таки из двух этих колонн — «лишняя»? Пришлось обследовать обе. Мы осматривали колонны, ощупывали, выстукивали — и всё напрасно: они были цельные, без пустот и тайников.

Пока мы всем этим занимались, капитан всё чаще и чаще извлекал свою знаменитую трубку и окутывался клубами плотного дыма...

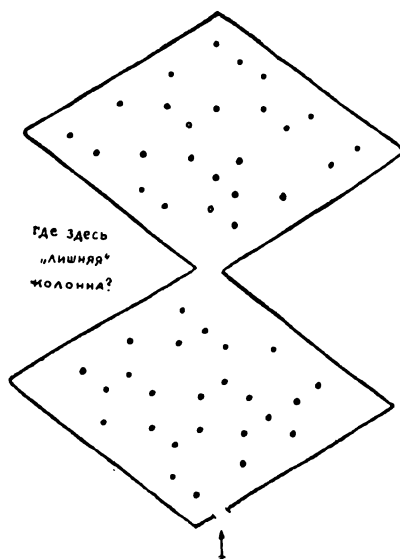
— Придумал что-то наш капитан, — шепнул Костя, улучив удобный момент. И он не ошибся!

— Друзья, — сказал вдруг капитан. — А что, если мы с вами ошиблись?.. Что, если в задачу бронзового идола не входила охрана двери, и стрела предназначалась совсем для другой цели?.. А? Ну-ка, посмотрите повнимательнее. Если наложить стрелу на лук, не будет ли её конец чуть-чуть приподнят, как вы думаете?

Мы обступили бронзового стрелка. И теперь нам показалось, что капитан прав, что рука, державшая когда-то оперённый конец стрелы, вроде бы чуть ниже... А это означало, что выпущенная из лука стрела полетела бы несколько вверх. И сразу становилось понятным, почему дверь сделана такой высокой!

— Посмотрим по нашему плану, не окажется ли на пути полёта стрелы одна из этих двух колонн?

Это предположение подтвердилось — прямая линия, проведённая на плане от стрелка к высокой двери и далее в ромбические залы, счастливо минуя все препятствия, упиралась в одну из двух злополучных колонн.

Вот почему мы не могли обнаружить в колонне тайника — в нижней своей части она была монолитной. И если тайник существовал, то нужно было искать его в верхней части колонны, может быть, под самыми сводами пещеры. Это сильно усложняло задачу, но разве могло это нас остановить?

Два дня мы таскали в пещеру камни, складывая их наподобие пирамиды, пирамида росла, росла, мы неотступно поднимались всё выше и выше...

И вот однажды, когда капитан, взобравшись на пирамиду, собрался, как он это уже много раз делал, выстучать колонну, с первым же ударом молотка произошло совершенно непредвиденное: послышался звон, и верхняя часть колонны рассыпалась на куски, как рассыпается упавший с полки глиняный горшок! От колонны остался высокий цоколь, служивший основанием для бронзового столба с поперечинами, уходившего вверх, в круглое отверстие в своде пещеры, из которого бил сноп яркого дневного света.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Горнисты. Стихотворение Л. Куклина	1
Фестиваль за фестивалем	2
Чужой язык. Стихотворение Эдит Сигэл	4
Прогулка. Рассказ Роже Ленюре	5
Анна учится музыке. Рассказ Димоса Рендиса	10
Почтальон; Кондуктор. Стихи Кларенса Джемса Денниса	13
Истинная правда о том, как прогнали разбойника. Сказка Хадзимэ Кидзима	14
Небылицы. Рассказ Бранко Чопича	17
«Корабли» — значит «шаги»	19
Подумай, товарищ! Стихотворение Драгицы Тубич	19
Планета новогодних ёлок. Продолжение повести Джанни Родари	20
Поезд. Стихотворение Л. Мочалова	33
Утро; День; Вечер; Ночь. Стихи Г. Новицкой	34
Бедный голодный Тяпа. Рассказ И. Резника	35
Дёма и Тарас. Стихотворение С. Когана	37
Первый подберёзовик. Рассказ А. Молчанова	38
Тополь. Стихотворение В. Кузнецова	39
Набат. Глава из повести Л. Шестакова	40
Цветок на камне. Сказка С. Дубовика	51
Свидетели истории. Статья З. Латникова	56
В тыл противника. Правила настольной игры	59
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки рисунок художника В. Орлова
«Держись, жука-злюка!».

На 4-й странице обложки настольная игра художника
П. Вискова «В тыл противника».

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115
Телефон: А 2-87-55

Сдано в набор 11/VI 1965 г.	Подписано к печати 23/VII 1965 г.	4 печ. л.
М-31291 Заказ № 941. Формат бумаги 70×103 ¹ ₁₆	Цена 10 коп.	Тираж 75 000

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

ВЕСЁЛЫЕ НОВОСТИ.

Фотоэтюд Г. Сафонова

